К45 3/1

ВЛ. СЕМЕНОВЪ

„ФЛОТЪ“
и
„МОРСКОЕ ВѢДОМСТВО“

ДО ЦУСИМЫ И ПОСЛѢ

«Упущеніе времени смерти
невозвратной подобно»...
Петръ Великій.

ТРЕТЬЕ ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНІЕ

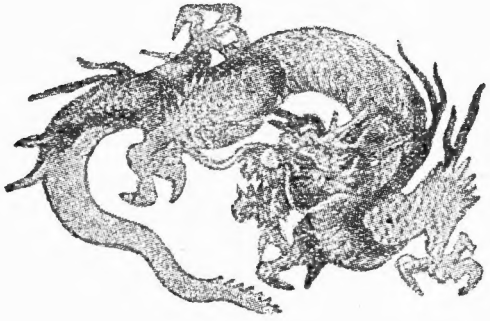
ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13
МОСКВА
Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 7

ВЛ. СЕМЕНОВЪ

„ФЛОТЪ“
и
„МОРСКОЕ ВѢДОМСТВО“

ДО ЦУСИМЫ И ПОСЛѢ

«Упущеніе времени смерти
невозвратной подобно»...
Петръ Великій.



ТРЕТЬЕ ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНІЕ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ | МОСКВА
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13 | Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.
1911

ПЕЧАТЬ И ТИПОГРАФІИ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ · Вас. Остр. 16 линія соб. домъ
1911

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 13285
„22" VII 1931 г.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

13285 - 31

ИЗДАВАЕМЫЯ нынѣ подъ общимъ заглавіемъ «Флотъ» и «Морское Вѣдомство» статьи моего покойнаго брата были напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» за октябрь, ноябрь и декабрь 1909 года.

Это одна изъ самыхъ послѣднихъ работъ автора «Расплаты». Прошло уже болѣе года съ тѣхъ поръ, какъ она была написана, но читатели навѣрно согласятся, что въ ней не устарѣло ни одной строчки. Удивляться этому не слѣдуетъ: «морское вѣдомство», къ сожалѣнію, не мѣняется—остается все тѣмъ же и опекаемый имъ «флотъ»...

Викторъ Семеновъ.

Мартъ 1911.

I.

«Морской цензъ» и «цензъ на дожитіе».

ВЪ противоположность заграничнымъ нравамъ, согласно которымъ „флотъ“ и „морское вѣдомство“ являются синонимами, у насъ, въ Россіи, они издревле пребываютъ не только разъединенными, но даже враждующими между собою.

Какъ это вышло?

Флотъ русскій былъ созданъ Петромъ Великимъ, который, не брезгуя лично ремесломъ корабельнаго плотника, инженера, матроса, рулевого, штурмана, капитана, — по тому же пути велъ за собою и весь личный составъ, всѣхъ людей, къ морскому дѣлу приставленныхъ. Члены адмиралтействъ-коллегіи и самъ ея предсѣдатель, генералъ-адмиралъ, были моряками, которые сегодня засѣдали въ собраніи, а завтра

командовали кораблями, отрядами и эскадрами. Кто располагалъ „опочивъ держать“, тому не было мѣста при живомъ дѣлѣ, а главное— всякій былъ „персонально“ отвѣтственъ, и никакое высокое положеніе, ни даже родство съ царемъ, не избавляло его отъ этой отвѣтственности. Примѣръ тому—первый нашъ генералъ-адмиралъ, графъ Апраксинъ, братъ царицы Маѳы Матвѣевны.

По смерти Петра флотъ, имъ созданный, пришелъ въ упадокъ; зато народилось „морское вѣдомство“, состоящее изъ людей, съ морскимъ дѣломъ персонально незнакомыхъ, но отъ флота свое пропитаніе имѣющихъ.

И съ того времени судьба двухъ „учрежденій“ весьма между собою разнствуетъ.

Вѣдомство, созданное для обслуживанія флота, пріобрѣтаетъ первенствующее значеніе и значеніе его все растетъ и растетъ... А флотъ? Флотъ превращается въ какой-то инвентарь вѣдомства, необходимый для удовлетворенія нуждъ и успѣшнаго прохожденія службы чиновъ, носящихъ морской мундиръ, но на званіе моряка не имѣющихъ ни малѣйшаго права.

Съ теченіемъ времени такихъ охотниковъ

носить морской мундиръ, не неся тяжелой морской службы, являлось все больше и больше.

Въ 1740 г. была предпринята первая попытка принудить моряковъ по званію сдѣлаться настоящими моряками, и съ этою цѣлью генералъ-адмираломъ русскаго флота былъ назначенъ совсѣмъ штатскій человѣкъ, президентъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, графъ Остерманъ, чуждый какихъ-либо родственныхъ и служебныхъ связей съ адмиралтейцами. Главной задачей ему было поставлено озаботиться возвращеніемъ морскихъ офицеровъ во флотъ.

Подобныя же попытки дѣлались и въ послѣдующее время, но—увы!— всегда безуспѣшно. Фамиліи адмираловъ, „судами и отрядами не командовавшихъ“, продолжали заполнять списки личнаго состава.

Конечно, не клиномъ сошлась Россія. Находились и такіе люди, которые шли на морскую службу по призванію, хотѣли работать на пользу флота, а не безчисленныхъ канцелярій морского вѣдомства. Но мало было такихъ, и безсильны были они, по своей малочисленности, противъ тѣсно-сплоченнаго большинства, сорганизовавшагося въ касту. Иногда особенно

талантливые успѣвали объединить около себя группу настоящихъ моряковъ, создать нѣчто въ родѣ школы,—и въ этихъ случаяхъ исторія флота обогащалась славными страницами; заносились въ нее подвиги, достойные петровскихъ временъ; бывали даже побѣды... но лишь надъ врагомъ внѣшнимъ. Побѣда надъ морскимъ вѣдомствомъ флоту не давалась и не дается понынѣ.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, черезъ полтора вѣка послѣ призванія Остермана, долженствовавшаго крутыми мѣрами возвратить во флотъ морскихъ офицеровъ, пристроившихся на береговыхъ мѣстахъ,—только что назначенный генералъ-адмиралъ, великій князь Алексѣй Александровичъ, вынужденъ былъ писать въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ такія горькія истины: „Списки переполнены преимущественно старшими чинами, отставшими отъ дѣла, вслѣдствіе чего нѣтъ выхода бодрымъ и способнымъ къ суровому ремеслу силамъ. Дальнѣйшее существованіе такого порядка вещей грозитъ тѣмъ, что въ головѣ списковъ вскорѣ окажутся люди, совершенно неспособные къ службѣ на морѣ... Въ силу финансовыхъ затруд-

неній и неблагопріятныхъ природныхъ условій мы постепенно свыклись съ мыслью, что флотъ можетъ существовать безъ плаванія... Личному составу грозитъ, въ близкомъ будущемъ, раздвоеніе на двѣ одинаково безполезныя категоріи; ученыхъ безъ опытности, которой море никогда не перестанетъ требовать,—и отсталыхъ въ наукѣ, утратившихъ, вслѣдствіе отсутствія практики, даже прежній навыкъ къ морю. Сохраняя существующій порядокъ, правительство готовитъ себѣ, въ случаѣ войны, неизбѣжное разочарованіе... Въ прямой связи съ переполненіемъ списковъ находится явленіе крайне важное и прискорбное — недостатокъ правды во всемъ строѣ службы и несоотвѣтствіе кажущагося съ дѣйствительнымъ... Присутствіе на службѣ людей безполезныхъ... мѣшаетъ служить всѣмъ остальнымъ... неизбѣжно вноситъ въ службу начало неискренности и напускное, кажущееся усердіе... Столь же неизбѣжно оно поощряетъ - искательство, а неспособныхъ къ нему вводитъ въ небрежное отношеніе къ обязанностямъ... Въ адмиральскихъ чинахъ у насъ на дѣйствительной службѣ 100 человѣкъ, тогда какъ въ Англіи всего 69 человѣкъ, во Франціи

53, въ Австріи и Италіи по 10, въ Германіи 9, — такъ что у насъ больше адмираловъ, чѣмъ въ Англіи, Австріи, Италіи и Германіи, взятыхъ вмѣстѣ, или почти столько же, какъ въ Англіи и Франціи. Избытокъ поразительный, въ особенности ежели имѣть въ виду число плавающихъ судовъ (въ Англіи—246)... У насъ многимъ адмираламъ вовсе не приходилось плавать. Изъ 85 вице-адмираловъ и контръ-адмираловъ 33 человѣка не плавали болѣе 10 лѣтъ. Изъ 158 капитановъ 1-го ранга — 65 не плавали болѣе 7 лѣтъ и 46 — болѣе 10 лѣтъ"...

Для искорененія этого многовѣковаго зла былъ изданъ новый законъ — всѣмъ памятное „Положеніе о морскомъ цензѣ", вызвавшее такую жестокую критику. „Цензу" приписываютъ и нашъ разгромъ въ минувшей войнѣ.

Справедливо ли это?

Основная идея „ценза" всесвѣтно признана краеугольнымъ камнемъ морской службы. Это идея—„морякъ долженъ плавать".

Къ сожалѣнію, самыя непреложныя истины въ рукахъ людей, руководимыхъ личными интересами, совершенно искажаются, благодаря

умѣнью кодифицировать статьи писаннаго закона такъ, что въ пучинѣ разъясненій и примѣчаній утрачивается руководящая мысль.

Авторъ настоящихъ статей не разъ имѣлъ случай выступать въ защиту основной идеи морского ценза, но, въ качествѣ моряка, всегда былъ чистосердечнымъ противникомъ того способа, какимъ она примѣнялась въ жизни.

Вотъ эта-то двойственность и сослужила великую службу чинамъ „вѣдомства“.

Всякое печатное слово человѣка, носящаго мундиръ, подлежало предварительной цензурѣ начальства. А кто былъ этимъ начальствомъ? Чины „вѣдомства“, но не чины „флота“. Не только напечатаніе, но даже представленіе на просмотръ статьи, неугодной прѣсноводнымъ (иногда и вовсе сухопутнымъ) адмиралтейцамъ, могло повлечь за собою появленіе чернаго креста надъ фамиліей „флотскаго“, осмѣлившагося утверждать, что „Положеніе о морскомъ цензѣ“ было бы благодѣтельно, если бы первоначальная редакція закона не была искажена, а искаженная — еще и „разъяснена“ въ интересахъ лицъ, которыхъ, на каютъ-компанейскомъ жаргонѣ, называли „теткиными дѣтьми“.

Зло, причиняемое изуродованнымъ закономъ о цензѣ, было очевидно для всѣхъ (даже сухопутныхъ, даже штатскихъ) и не отрицалось самими чинами флота; но если бы позволили этимъ послѣднимъ громко высказать свою мысль, то они отнюдь не посовѣтовали бы ломать вѣсы, на которыхъ обвѣшиваютъ, или выбрасывать за окно аршинъ, которымъ обмѣриваютъ, а потребовали бы привлеченія къ отвѣтственности людей, которые обвѣшиваютъ и обмѣриваютъ, потребовали бы драконовскихъ мѣръ противъ тѣхъ, кто умѣетъ оправдать старую пословицу: законъ, что дышло — какъ повернешь, такъ и вышло.

По первоначальной редакціи „Положенія о морскомъ цензѣ“, сроки плаванія, имъ устанавливаемые, являлись минимумомъ того практическаго изученія морского „ремесла“, которое обязательно для всякаго, носящаго морской мундиръ. Безъ соблюденія этого условія само высшее начальство не въ правѣ было двигать его по службѣ. Нигдѣ не было указано, чтобы офицеръ, исполнившій этотъ минимумъ, былъ обезпеченъ въ дальнѣйшемъ преуспѣяніи.

На дѣлѣ вышло такъ, что начальство ока-

зывалось обязаннымъ дать офицеру слѣдующее назначеніе, разъ только минимумъ требованій былъ имъ выполненъ... Да какъ еще выполнялся и этотъ минимумъ, благодаря всевозможнымъ „разъясненіямъ“ и „дополненіямъ“! Преимущественно въ тихихъ гаваняхъ, или неподалеку отъ дачныхъ мѣстъ, гдѣ на лѣтнее время поселялись семейства избранныхъ, пристроившихся къ „вѣдомству“.

Помимо обхода закона, практиковалось и прямое его нарушеніе въ томъ пунктѣ, измѣнить который своевременно не рѣшились (или просто упустили изъ виду). Законъ гласилъ, что производство въ контръ-адмиралы можетъ имѣть мѣсто „только за отличіе“ (конечно, при выполненіи требованій ценза). Старшинство, „линія“ не должны были играть здѣсь никакой роли.

Оно и понятно.

При производствѣ капитана въ адмиралы высшее начальство должно ставить себѣ такой вопросъ: „Можно ли этому офицеру ввѣрить командованіе отрядомъ боевыхъ судовъ, если завтра же будетъ объявлена война?“ Если „нѣтъ“, то никакія другія достоинства (ни предыдущая

безпорочная служба, ни, тѣмъ болѣе, личныя симпатіи, свойство и родство) не могутъ доставить кандидату почетнаго званія „флотоводца“.

На дѣлѣ же, если и случались производства „за отличіе“ мичмановъ, лейтенантовъ и капитановъ 2-го ранга (не будемъ разбираться въ этихъ „отличіяхъ“ по существу), то, въ явное нарушеніе закона, производство въ адмиралы всегда было только по линіи.

Правда, могутъ возразить, что въ мирное время понятіе объ „отличіи“ весьма растяжимо. Такъ... Но вѣдь если капитана 1-го ранга назначали на адмиральскую должность, то ясно, что его выбрали, отличили, поставивъ выше другихъ, старшихъ его по службѣ. Что же дѣлали въ подобныхъ случаяхъ? Производили въ адмиралы „безъ старшинства“, т.-е. вновь произведенный оставался самымъ младшимъ въ спискѣ до тѣхъ поръ, пока его сверстники не „доживутъ“ до своей очереди производства, но „перелѣзутъ черезъ его голову“ и не займутъ свои мѣста въ „линіи“ впереди его.

Какая нелѣпость!

•Возможно, что опять попробуютъ оправдаться соображеніями о томъ, что „въ мирное время отличіе—часто случайное стеченіе обстоятельствъ“... — Пусть такъ. Ну, а въ военное время? Боевое отличіе? — Вотъ Р. Н. Вирень, командуя „Баяномъ“, заслужилъ золотое оружіе и Георгія, а затѣмъ былъ произведенъ „за отличіе“ въ адмиралы, но „безъ старшинства“, и болѣе двухъ лѣтъ ждалъ, когда окажется для него выполненнымъ „цензъ на дожитіе“, зловреднѣйшій, нигдѣ не опубликованный, нигдѣ не записанный, но твердо укоренившійся, подъ сѣнью котораго процвѣтаютъ чины „вѣдомства“ и влачатъ свое существованіе чины „флота“.

При тѣхъ порядкахъ, которые властно царили въ морскомъ министерствѣ, къ чему было трудиться, работать, плавать, даже воевать? Не проще ли было дѣлать только самое необходимое, выполнять предписанный минимумъ, держать себя смирно и почтительно, доносить, что „все обстоитъ благополучно“? Со временемъ, если Богъ дастъ дожить, все придетъ—и притомъ придетъ наравнѣ съ тѣми простяками-товарищами, которые работали, плавали, вое-

вали, не берегли себя и... можетъ быть, уже израсходовались, раньше времени „очистили вакансію“?..

Не „морской цензъ“, введенный четверть вѣка тому назадъ, погубилъ личный составъ флота, а искони существовавшій въ нашемъ морскомъ министерствѣ „цензъ на дожитіе“, въ борьбѣ съ которымъ новый законъ оказался безсильнымъ.

Этотъ новый законъ, въ своемъ искаженномъ видѣ, принесъ и фактическій вредъ, вынудивъ чиновъ „вѣдомства“ всѣми правдами и неправдами „наколачивать“ требуемое число мѣсяцевъ плаванія. Эти „гастролеры“, какъ ихъ называли настоящіе моряки, конечно и не думали руководствоваться правиломъ покойнаго С. О. Макарова, утверждавшаго, что „для моряка въ морѣ—значитъ дома, а въ гавани или на тихомъ рейдѣ — въ гостяхъ, не надолго“. Для нихъ пребываніе въ морѣ было величайшей непріятностью, а такъ какъ они „княжили и володѣли“, то постепенное превращеніе судовъ боевого флота въ плавучія казармы, населенныя мужиками, одѣтыми въ матросскія рубахи, вскорѣ удостоилось пол-

наго одобренія, какъ мудрая экономія въ расходахъ на уголь и смазочные матеріалы.

Экономію эту по всей справедливости нельзя назвать иначе какъ преступной.

II.

Экономія на плаваніи флота и ея результаты.

ЕСЛИ бы нашелся такой кавалерійскій генералъ, который, въ цѣляхъ экономіи, предложилъ бы въ мирное время имѣть по шести лошадей на эскадронъ, ибо при этомъ условіи каждый нижній чинъ дней около двадцати въ году будетъ ѣздить „въ настоящую“, а остальное время можетъ обучаться на манекенѣ,—какъ бы съ нимъ поступили? Смѣемъ думать, что была бы назначена особая комиссія для освидѣтельствованія его умственныхъ способностей и, въ лучшемъ случаѣ, его уволили бы въ отставку по болѣзни...

Въ морскомъ министерствѣ отнеслись къ дѣлу иначе.

Министръ финансовъ указывалъ, что необ-

ходима экономія, что хотя и повелѣно возсоздать флотъ, но нельзя же расходовать на него деньги въ двойномъ размѣрѣ противъ сосѣдей, которые съ меньшими суммами достигаютъ лучшихъ результатовъ. И вотъ, у насъ спохватились и стали „экономить“. Но на чемъ? Отнюдь не на расходахъ по „вѣдомству“, а на „плаваніи флота“... Сладкая мечта о возможности весь цензъ „отбыть“, стоя на якорѣ, осуществлялась, и притомъ—подъ видомъ соблюденія государственныхъ интересовъ.

Чины „вѣдомства“ торжествовали. Настоящіе моряки возмущались, но безмолвствовали, хорошо сознавая, что „плетью обуха не перешибешь“, что всѣ ихъ протесты окажутся безплодными. Смѣшно было бы ломиться въ открытую дверь, доказывая, что разъ въ военное время активная дѣятельность флота будетъ протекать въ морѣ (на ходу), а въ портахъ (на якорѣ) онъ будетъ только отдыхать, чиниться и пополнять запасы, то въ мирное время, когда воспитывается и готовится къ войнѣ личный составъ, флотъ долженъ учиться также въ морѣ, на ходу, т.-е. плавать.

Конечно, лица, стоявшія во главѣ вѣдом-

ства, не могли не знать этой аксіомы, и если утверждали противное, то въ силу какихъ-то особыхъ соображеній. Спорить съ ними было безполезно, а обратиться къ суду общественнаго мнѣнія—невозможно.

Въ результатѣ за послѣднія 10—15 лѣтъ передъ русско-японской войной суда нашего флота вовсе не плавали. Корабли, иногда по одиночкѣ, иногда по нѣсколько сразу, только переходили изъ одного порта въ другой. Считалось, что „на ходу“ какія же ученья? „Вотъ придемъ на якорь—тамъ займемся“...

Въ морѣ все крѣпилось „по-походному“, и всѣ заботы были направлены единственно къ благополучному прибытію въ назначенный пунктъ. Одновременный выходъ въ море нѣсколькихъ судовъ для выполненія нѣкоторыхъ простѣйшихъ эволюцій являлся уже событіемъ, а примѣрно-боевое маневрированіе одного отряда противъ другого, кажется, не практиковалось со временъ адмирала Бутакова.

Плавать эскадрой ночью, безъ огней, съ перемѣнами курса, мнѣ пришлось только одинъ разъ за всю мою службу—въ эскадрѣ адмирала Гильтебрандта, на маневрахъ 1900-го года.

До-нельзя бѣдная программа стрѣльбы—и та не всегда выполнялась въ самой главной своей части. Единственную хорошо поставленную стрѣльбу эскадры по береговому укрѣпленію я видѣлъ въ 1899-мъ году въ Таліенванѣ, подъ командой адмирала Дубасова. Что касается стрѣльбы эскадрою по движущейся цѣли, то она въ большинствѣ случаевъ вовсе не выполнялась, а про ту, которая бывала, существуютъ лишь анекдоты.

Плаваніе сводилось къ короткимъ переходамъ (для которыхъ, вдобавокъ, еще выбирали хорошую погоду) и къ долгимъ стоянкамъ. Часть этихъ стоянокъ посвящалась чисткѣ, приборкѣ и окраскѣ, а остальное время—ученіямъ, въ обстановкѣ, не имѣющей ничего общаго съ условіями военнаго времени. Къ тому же, въ иностранныхъ портахъ не всѣ ученія можно было производить, а въ своихъ, за недостаточностью средствъ порта (опять-таки „экономія“), добрая половина команды была занята выполненіемъ дефектныхъ работъ „судовыми рабочими“.

Выручала таблица ученій и занятій, состоявшая изъ 286 номеровъ. Она давала возмож-

ность представить въ отчетѣ такое число произведенныхъ ученій, которое едва-ли не превышало число рабочихъ часовъ въ сутки. Преобладали такъ называемыя палубныя занятія, при посредствѣ которыхъ пытались (но тщетно) создать спеціалистовъ экономическимъ способомъ, не посылая ихъ въ школы. Учили малограмотныхъ мужиковъ тому, какъ изготовляются пироксилинъ и различные сорта пороха, какъ устроено гидростатическое отдѣленіе мины, какія бываютъ особенности въ установкѣ орудій на судахъ флота,—но никто и никогда не пробовалъ представить матросу грозную картину, которую онъ увидитъ въ бою, объяснить ему смыслъ и значеніе всѣхъ тѣхъ сложныхъ маневровъ, которые онъ долженъ умѣть выполнить. Это было нѣчто въ родѣ преподаванія чистой теоріи, не имѣющей съ практикой ничего общаго.

Лучшимъ примѣромъ того, до какой степени все и всѣхъ заѣдала система рейдовыхъ ученій, можетъ служить фактъ, что вторая эскадра (Рожественскаго) вышла на Востокъ съ организаціей траленія проходовъ и рейдовъ при посредствѣ гребныхъ шлюпокъ съ какими-то

хитрыми тралами, вмѣсто простого, но отвѣчающаго своему назначенію и выработаннаго къ тому времени практикой войны. Только въ Носи-бэ началось обученіе траленію миноносцевъ и минныхъ катеровъ. Очевидно спеціалисты, создавшіе эту организацію на тихихъ водахъ Транзундскаго рейда и собиравшіеся во время траленія спускать водолазовъ на непріятельскія мины, были такъ увѣрены въ своей непогрѣшимости, что даже боевой опытъ Портъ-Артура не казался имъ достаточно убѣдительнымъ. Но, можетъ быть, они не знали о немъ?—Врядъ ли это допустимо...

Едва ли кто-нибудь станетъ утверждать, что можно сдѣлаться виртуозомъ въ искусствѣ, не зная ремесла, служащаго ему фундаментомъ. Возможно ли, пройдя теорію музыки, но не умѣя играть ни на одномъ инструментѣ, никогда не слышавъ игры оркестра, дирижировать имъ? Возможно ли, изучивъ по книжкѣ всѣ таины сочетанія красокъ, написать картину, никогда до того не бравъ кисти въ руки? Въ морскомъ вѣдомствѣ рѣшили, что это возможно. Чины „вѣдомства“ почли себя жрецами военно-морского искусства, а ремесло... Ремесло

было ниже ихъ, оно было предоставлено чинамъ „флота“. Хорошо бы и такъ, если бы послѣднимъ давали средства для служенія ремеслу, а добытыя ихъ потомъ и кровью данныя опыта принимались въ расчетъ при составленіи „директивъ“.—И этого не было...

При такомъ направленіи, отъ признанія за рейдомъ правъ моря до рѣшенія военно-морскихъ вопросовъ въ тиши кабинета—одинъ только шагъ. Такъ и вышло на дѣлѣ. Правила развѣдочной и охранной службы составлялись на берегу, въ Петербургѣ, не столько на основаніи немногочисленныхъ заключеній изъ убогихъ маневровъ, сколько теоретически. Самый цѣнный матеріалъ, бывшій въ рукахъ ихъ составителей,—„правила сторожевой и охранной службы въ эскадрѣ Тихаго океана“,—самъ по себѣ являлся больше плодомъ резонерства, нежели выводомъ изъ практики, и никогда не былъ провѣренъ широко и правильно поставленнымъ маневреннымъ опытомъ.

Въ результатѣ—на походѣ второй эскадры на Востокъ большая часть патентованныхъ рецептовъ оказалась непримѣнимой. Даже ученія минныхъ катеровъ, производившіяся

въ Носи-бэ, явились для огромнаго большинства личнаго состава какимъ-то необычнымъ новшествомъ, едва ли не причудой. А между тѣмъ эти ночные маневры явно показали, что, несмотря на существующія „правила", выработанныя въ Трапзундѣ, эскадра не сумѣла бы своевременно обнаружить идущую на нее атаку. Управленіе прожекторами было совершенно неудовлетворительно, какъ въ смыслѣ организаціи, такъ и въ смыслѣ обученія людей. Даже разстояніе, на которомъ „можетъ быть открытъ миноносецъ", было спорнымъ вопросомъ. Да и вообще „правила", не исключая такого основного пункта, какъ устройство свѣтовой преграды, не были должнымъ образомъ обоснованы на опытахъ и опытами провѣрены.

И вотъ—въ Носи-бэ, пройдя уже двѣ трети пути къ театру военныхъ дѣйствій, со дня на день ожидая возможнаго соприкосновенія съ непріятелемъ, наша боевая эскадра стала учиться азбукѣ.

А что дѣлалось на службѣ со спеціалистами? Съ огромнымъ напряженіемъ силъ наши учебные отряды вырабатывали изъ новобранцевъ комендоровъ и минеровъ, которые въ моментъ вы-

пуска обладали достаточными теоретическими познаніями и нѣкоторой практической подготовкой (правда, въ послѣднее время, въ виду большой потребности, на экзаменахъ были снисходительнѣе, чѣмъ слѣдуетъ). Но что дальше? Въ большинствѣ случаевъ познанія, съ усиліемъ (значитъ — не твердо) усвоенныя въ классахъ и пріобрѣтенныя слишкомъ кратковременной практикой, быстро утрачивались.

Виною тому было наше чисто формальное отношеніе къ дѣлу, „подписано и съ плечъ долой“. Считалось [1]), что разъ человѣкъ получилъ на рукавъ знакъ изъ двухъ перекрещенныхъ пушекъ или минъ, то образованіе его закончено, и въ любой моментъ дальнѣйшей своей службы, поставленный къ пушкѣ или аппарату, онъ окажется на высотѣ положенія.

Въ минной спеціальности этотъ взглядъ еще не такъ пагубенъ, ибо обязанности минеровъ-нижнихъ чиновъ таковы, что они могутъ практически изучать ихъ, стоя на якорѣ и даже

---

[1]) Считается и до сихъ поръ.

оставаясь на берегу. Но далеко не такъ обстоитъ дѣло съ комендорами. Очень часто (по выпускѣ изъ отряда) комендоръ или вовсе не плаваетъ, или плаваетъ на судахъ, вовсе не имѣющихъ современной артиллеріи, при чемъ забываетъ все, чему учился, и для войны, т.-е. для выполненія прямого своего назначенія, становится негоднымъ. Не много выигрывало дѣло даже и тогда, когда комендору удавалось попасть сразу на боевой корабль, находящійся въ плаваніи. Въ виду ничтожнаго числа выстрѣловъ, положеннаго ему въ годъ, его неустановившееся искусство въ стрѣльбѣ съ теченіемъ времени не только не могло возрасти, но должно было неминуемо понизиться.

О комендорахъ, призванныхъ изъ запаса, нечего и говорить.

Но что же дѣлать? Неужели часто производить стрѣльбу боевыми зарядами? Какихъ денегъ это будетъ стоить? И во что обратятся пушки къ тому времени, когда разразится война?

Правда... Но неудачная война и потеря флота обойдутся еще дороже. А потому слѣдовало бы учить комендоровъ стрѣльбѣ въ теченіе всей ихъ службы, платить большія деньги

лучшимъ наводчикамъ и тѣмъ удерживать ихъ на сверхъ-срочной службѣ, да и самое званіе это сдѣлать наиболѣе почетнымъ во флотѣ. Если бы двѣнадцать судовъ, составлявшихъ главныя силы эскадры Рожественскаго, имѣли хотя бы сорокъ восемь комендоровъ (по числу крупныхъ орудій), стрѣляющихъ лучше японскихъ, то, можетъ быть, результатъ боя былъ бы иной. И если бы эти отличные стрѣлки удерживались на службѣ жалованьемъ въ полторы, даже въ двѣ тысячи рублей въ годъ, то это вышло бы много дешевле проиграннаго сраженія, проигранной кампаніи.

Что касается пушекъ, то, по примѣру японцевъ, для каждаго корабля надо имѣть ихъ полный комплектъ, который и ставить вмѣсто изношеннаго передъ объявленіемъ войны. Всѣ эти расходы съ лихвой окупятся первой побѣдой.

III.

Вѣдомость 286 ученій.

ВОЗВРАЩАЮСЬ къ системѣ долгихъ стоянокъ и ученій на якорѣ.

За послѣдніе годы передъ войной рѣдкій корабль эскадры Тихаго океана насчитывалъ въ годъ двадцать сутокъ хода. Въ особенности броненосцы, т.-е. именно тѣ суда, которымъ въ военное время принадлежитъ рѣшающая роль въ вопросѣ владѣнія моремъ,—они то и не шевелились. Эти корабли, стоявшіе многими мѣсяцами на якорѣ въ укрытой бухтѣ, отличались отъ казармъ, находящихся на берегу, только матеріаломъ постройки. Было бы одинаково цѣлесообразно, но зато еще много дешевле и легче для личнаго состава, просто обучать команду на берегу, такъ какъ содержаніе кораблей стоитъ дорого, а тяжесть казарменной

жизни на нихъ еще усугубляется судовой обстановкой (тѣснота, въ казармѣ не допускаемая).

Какъ я уже говорилъ выше, огромное значеніе въ превращеніи осмысленныхъ занятій въ механическое отбываніе номеровъ сыграла вѣдомость 286 ученій.

Каждый легко можетъ представить себѣ, какъ оживлено и полно интереса, какъ затрагиваетъ всѣ элементы корабля и его личнаго состава ученіе по боевой тревогѣ, произведенное на ходу и соединенное съ двухстороннимъ маневрированіемъ, минными атаками, контръгалсовой стрѣльбой (или хотя бы вспомогательной стрѣльбой) по движущейся цѣли. Но разложите это ученіе на составные элементы, продѣлывайте ихъ каждый отдѣльно, безъ общей связи и смысла — и эти элементы явятся мертвыми, сухими пріемами, ничего не говорящими ни уму, ни сердцу, кромѣ: „такъ точно“ и „никакъ нѣтъ“.

Такое ученіе по пріемамъ полезно и даже необходимо для начала, но возведеніе его въ культъ, занятіе имъ изо дня въ день цѣлые мѣсяцы и годы, мало-по-малу отучаетъ людей думать о смыслѣ производимыхъ ими дѣйствій;

а разъ этотъ смыслъ потерянъ, само дѣйствіе становится скучнымъ выполненіемъ неизбѣжной формальности, отбываніемъ давно извѣстнаго, надоѣвшаго номера.

Старое изреченіе, что скука есть результатъ безлѣлья, справедливо только съ извѣстной оговоркой. Есть такіе роды дѣятельности, которые нагоняютъ скуку во время самой работы. И такой именно характеръ носила наша система обученія личнаго состава флота. Особенно губительно отзывалась она на молодежи, отъ которой зависитъ будущее нашего флота.

Небезызвѣстно, что за послѣдніе годы передъ войной наблюдался массовый уходъ изъ флота молодыхъ офицеровъ (и не изъ числа неспособныхъ), а со стороны флагмановъ и капитановъ слышались сѣтованія на равнодушіе молодежи къ службѣ. Для выясненія причинъ столь печальнаго явленія назначались комиссіи, въ которыхъ большинство склонялось къ тому мнѣнію, что корень зла—въ затянувшемся производствѣ по линіи и въ отсутствіи надежды сдѣлать быструю карьеру.

Съ этимъ мнѣніемъ согласиться невозможно. Молодежь и теперь, какъ всегда, въ огромномъ

своемъ большинствѣ живетъ настоящимъ и мало думаетъ объ отдаленномъ будущемъ. Для нея будущее—что-то смутное, но всегда хорошее. Опытъ жизни еще не расхолодилъ фантазіи; силъ много, и каждому кажется, что именно ему суждено сдѣлать что-то особенное, чѣмъ-то выдвинуться изъ толпы, стать головой выше товарищей... Какіе же тутъ расчеты на производство по линіи? Есть о чемъ говорить!

Нельзя допустить также, чтобы въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ въ морской корпусъ поступали исключительно юноши, отъ природы неспособные интересоваться тѣмъ дѣломъ, которому имъ придется служить.

Если одни изъ молодыхъ офицеровъ поражали начальство отсутствіемъ интереса къ службѣ, а другіе (и часто способнѣйшіе) бѣжали въ запасъ или въ отставку, то не являлось ли это результатомъ постановки службы въ нашемъ флотѣ?

Уничтоживъ плаваніе, превративъ суда въ плавучія казармы, стоящія на мертвомъ якорѣ, мы лишили службу ея живого духа, сдѣлали ее невыносимо скучной и однообразной. Док-

тора рекомендуютъ разнообразіе даже въ пищѣ, говоря, что иначе желудокъ утомляется и работаетъ вяло. То же правило, но въ еще большей степени, примѣнимо и къ интеллектуальной дѣятельности. Скука, если она не является продуктомъ бездѣлья, но вызвана такимъ трудомъ, который, не давая физическаго утомленія, исключаетъ всякую работу мысли, есть опасная душевная болѣзнь. Нельзя не признать, что для привитія этой болѣзни нашему флоту было сдѣлано все возможное.

Кто станетъ оспаривать тяжесть и губительность скуки (именно скуки) службы на окраинахъ? Сколько талантливыхъ людей „заѣли" эти окраины! А между тѣмъ офицеръ сухопутной части, расположенной въ Портъ-Артурѣ, неся ту же службу, что и офицеръ броненосца, стоящаго въ бассейнѣ, былъ въ лучшихъ условіяхъ жизни, нежели послѣдній: онъ со службы уходилъ домой, къ своей семьѣ, а тотъ былъ лишенъ семьи и дома...

Представьте себѣ юношу, только что выпущеннаго въ офицеры, который пароходомъ Добровольнаго флота или по желѣзной дорогѣ ѣдетъ на эскадру. Если въ немъ нѣтъ приро-

жденнаго отвращенія къ морю, то, разумѣется, онъ думаетъ о конечной цѣли своего пути, о боевой эскадрѣ, стоящей на стражѣ интересовъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ; онъ думаетъ о томъ, какъ будетъ плавать на этой эскадрѣ, владычествующей на водахъ Тихаго океана, по которому пути ей никуда не заказаны; онъ соображаетъ, къ какому дѣлу его назначатъ на кораблѣ, можетъ быть даже волнуется мыслью, сумѣетъ ли исполнить то, что отъ него потребуютъ?—Напрасныя мечты. На мѣстѣ его ожидаетъ полное разочарованіе. Никакой эскадры собственно нѣтъ, а есть собраніе разныхъ кораблей, которые стоятъ... не на стражѣ, а просто на якоряхъ и бочкахъ. На всѣхъ живутъ, скучая и ссорясь между собой, господа и мужики, одѣтые въ морскую форму. Только одни корабли стоятъ подъ вымпеломъ, а другіе безъ него. Никакихъ волнъ Тихаго океана, ни штормовъ, ни опасностей, ни широкихъ путей, а просто тихая бухта и сѣренькая гаваньская жизнь, съ ея скукой и сплетнями... Хорошо, если за весь годъ наберется дней двадцать ходовыхъ, да и то: самый большой переходъ — 1.000 миль, самый долгій срокъ

въ морѣ—четверо сутокъ. Все остальное время—на якорѣ. Изо дня въ день занятія по росписанію, но не такія, какихъ можно бы ждати на боевой эскадрѣ, а нѣчто въ родѣ давно всѣми забытаго ученія маршировкѣ по пріемамъ или заряжанія ружья въ 18 темповъ. На кораблѣ его назначаютъ на опредѣленную обязанность, но это только для проформы. Своихъ людей онъ видитъ только на ученіи, но въ это время учить ихъ (въ настоящемъ смыслѣ этого слова) нельзя, да никто и не позволилъ бы ему такого вольнодумства. Онъ долженъ стоять и смотрѣть, какъ они, чисто механически, выполняютъ строго-опредѣленныя дѣйствія. Кажется, все стремленіе направлено къ достиженію полнѣйшей автоматичности. Между тѣмъ, всякому свѣжему человѣку до поразительности ясно, что въ современномъ бою, при безконечномъ разнообразіи случайностей, при сложности устройства корабля, ничто не должно дѣлаться автоматически, но каждый шагъ матроса долженъ быть вполнѣ осмысленнымъ.

И напрасно боялся юноша, что не сумѣетъ исполнить требованія, которыя ему предъявятъ: съ него ничего не требуютъ, кромѣ пассивнаго

повиновенія и благоговѣнія передъ установившимися порядками. Монотонная, сѣренькая судовая жизнь, часто еще отравленная вспышками раздражительности сослуживцевъ, угнетаемыхъ той же скукой, гонитъ молодежь на берегъ. Оторванные отъ круга родныхъ, брошенные въ чуждую имъ обстановку, кого встрѣчаютъ они здѣсь? — Товарищей по эскадрѣ. Но при полномъ отсутствіи какъ судовой, такъ и эскадренной жизни, никакой разговоръ о своемъ дѣлѣ, никакой обмѣнъ впечатлѣній не могутъ имѣть мѣста. Передаются кое-какія сплетни, а затѣмъ бесѣда сводится на такъ называемыя общедоступныя темы, и вечеръ заканчиваютъ — вино, карты и женщины. За отсутствіемъ какихъ-либо другихъ интересовъ, бесѣды о тѣхъ же предметахъ переносятся на корабль, и мало-по-малу атмосфера игорнаго дома и кафе-шантана водворяется въ кают-компаніи. Очутившись въ подобныхъ условіяхъ жизни и службы, болѣе энергичные люди бѣгутъ; сознающіе тяжесть положенія, но слабовольные понемногу втягиваются и, чаще всего, спиваются; остальные (въ большинствѣ — сѣренькая посредственность) составляютъ именно

тотъ элементъ, который отбываніе номеровъ считаетъ за серьезное дѣло, ничего лучшаго не желаетъ и, поражая начальство полнымъ равнодушіемъ къ интересамъ службы и скудостью познаній, успѣшно исполняетъ „цензъ на дожитіе“ до тѣхъ поръ, когда строго соблюдаемая линія доставитъ и имъ производство въ слѣдующій чинъ...

И все это разыгрывалось въ то время, когда адмиралъ Того восемь лѣтъ кряду не спускалъ своего флага, командуя боевой эскадрой Японіи, готовившейся къ войнѣ съ Россіей.

Если вѣрить японскимъ офицерамъ, то въ этой войнѣ „духъ всего народа“ былъ съ ними. Каждый матросъ на ихъ эскадрѣ понималъ все значеніе войны для Японіи, понималъ важность задачи, возложенной на флотъ, и вполнѣ сознательно готовъ былъ жертвовать собою, такъ какъ самые близкіе и дорогіе ему люди съ гордостью благословляли его на этотъ подвигъ. Къ сожалѣнію далеко не тотъ духъ царилъ на нашей эскадрѣ...

Что касается „духа народа“, то „онъ“ не былъ съ нами. Вѣсти изъ Россіи, вполнѣ оградить отъ которыхъ команду было невозможно,

могли внести только смуту и сомнѣніе въ правотѣ своего дѣла.

На японской эскадрѣ, выступившей противъ насъ при Цусимѣ подъ общимъ начальствомъ адмирала Того, было пять вице-адмираловъ и восемь контръ-адмираловъ. Всѣ они были или товарищами, или учениками Того. Отряды и отдѣльныя суда понимали его движенія безъ сигналовъ. Начальники отрядовъ, пріученные къ широкому проявленію личной инициативы, въ бою 14-го мая дѣйствовали вполнѣ самостоятельно, руководствуясь лишь общимъ планомъ. Они, смотря по ходу боя, то сражались каждый отдѣльно, то соединялись съ сосѣдями въ болѣе сильныя группы. Минныя суда японцевъ, повидимому, только и ждали наступленія темноты, чтобы проявить свою дѣятельность.

Жалѣть ли, что противъ четырнадцати японскихъ адмираловъ, лично участвовавшихъ въ бою, съ нашей стороны было только три?.. Возможно, что даже изъ этихъ трехъ — двое были лишними...

Не даромъ въ Портъ-Артурѣ, послѣ гибели С. О. Макарова, офицеры и команды едино-

душно возлагали всѣ свои надежды только на Дубасова, Чухнина и Рожественскаго. Больше никого не называли, хотя по спискамъ у насъ адмираловъ числилось втрое больше, чѣмъ у японцевъ. Гласъ народа—гласъ Божій.

IV.

Двѣ собани: «шпицъ» и «такса».

ЕСЛИ засилье „вѣдомства“ надъ „флотомъ“ такъ пагубно отразилось на подготовкѣ личнаго состава послѣдняго, то, какъ и слѣдовало ожидать, вліяніе этого засилья въ дѣлѣ созданія и содержанія въ боевой готовности матеріальной части, гдѣ „вѣдомство“ не въ обходъ закона, а „почти“ по закону, было полнымъ хозяиномъ, — сказалось еще разрушительнѣе.

Прошу извинить, что статью о такомъ важномъ вопросѣ начну... анекдотомъ; но анекдотъ этотъ кажется мнѣ достойнымъ къ ней эпиграфомъ.

Это было осенью 1903-го года, въ домѣ главнаго командира Кронштадтскаго порта, С. О. Макарова. По окончаніи обѣда, пошли

курить въ кабинетъ радушнаго хозяина. Надо замѣтить, что покойный адмиралъ, оправдываясь, „средствами“ — онъ жилъ на жалованье,—курилъ такія сигары, запахъ которыхъ не только дамы, но даже вообще люди непривычные не всегда выдерживали.

Компанію составляли три-четыре человѣка изъ числа тѣхъ, что „сору изъ избы не вынесутъ“, хотя въ этомъ отношеніи адмиралъ, вообще, не отличался осторожностью и не стѣснялся высказывать свое „крайнее мнѣніе“ даже въ присутствіи завѣдомыхъ наушниковъ.

Заговорили о текущихъ дѣлахъ. Вполнѣ естественно, капитаны не упустили случая ввернуть словечко о нуждахъ своихъ кораблей, которыя остаются неудовлетворенными изъ-за канцелярской волокиты.

— А знаете ли вы, какая собачья порода самая противная? — неожиданно спросилъ адмиралъ.

(Знакъ вопроса на лицахъ собесѣдниковъ).

— Шпицъ!

Не всѣ сразу поняли, а понявши, разсмѣялись; однако одинъ изъ присутствовавшихъ,

старый капитанъ, за словомъ въ карманъ не лазившій, нашелся чѣмъ „перешибить“ адмирала.

— Не одна собака, а двѣ, ваше превосходительство! и живутъ въ большой дружбѣ...

— Какая же еще?

— Такса... и, въ противность законамъ природы, довольно высокая...

Тутъ всѣ сразу поняли и, выражаясь языкомъ безсмертнаго Кузьмы Пруткова, „сему много смѣялись“.

Такса была, дѣйствительно, высокая.

Позволю себѣ привести фактъ изъ личной моей практики.

Въ 1893-мъ году мнѣ довелось принять участіе въ извѣстной „Енисейской экспедиціи“. Суда этой экспедиціи — винтовой пароходъ „Лейтенантъ Овцынъ“, колесный пароходъ „Лейтенантъ Малыгинъ“ и баржа со шхунскимъ вооруженіемъ „Лейтенантъ Скуратовъ“— строились на заводѣ Братьевъ Дени, въ Думбартонѣ (въ западной Шотландіи). Правили заводомъ трое братьевъ: старшій былъ главнымъ директоромъ, второй — главнымъ инженеромъ, третій — главнымъ механикомъ. Пре-

милый народъ, отличавшійся истинно-шотландскимъ радушіемъ и гостепріимствомъ. Мы прибыли, когда наши посудины еще достраивались, и, конечно, горячо занялись наблюденіемъ за окончательнымъ ихъ оборудованіемъ.

Надо замѣтить, что фирма „Братья Дени“ достаточно извѣстна не только въ Англіи, но и за границей. „Русское Общество Пароходства и Торговли“ большую часть своихъ пароходовъ построило на этой верфи, да и въ 1893-мъ году для него достраивался тамъ пароходъ „Ольга“. Вѣроятно въ виду постоянныхъ заказовъ и сношеній, заводъ охотно принималъ къ себѣ „на практику“ инженеровъ и механиковъ „Русскаго Общества Пароходства и Торговли“. Одинъ изъ нихъ, фамиліи котораго въ точности не упомню, но котораго шотландцы перекрестили въ „Mak-Larn“ и утверждали, что онъ ихъ соотечественникъ, — работалъ на заводѣ, когда и мы туда объявились для пріема нашихъ судовъ.

Строили и снабжали насъ „прижимисто“, не въ примѣръ другимъ, а между тѣмъ всякому было извѣстно, что, по расчету на тонну

водоизмѣщенія, съ насъ взято въ полтора раза болѣе, чѣмъ съ прочихъ.

Однажды, не офиціально, но въ дружеской бесѣдѣ (напомню о шотландскомъ гостепріимствѣ) я „насѣлъ“ на старшаго Дени, упрекая его въ скаредности, въ строгомъ слѣдованіи пунктамъ спецификаціи, вопреки здравому смыслу.

Онъ ёжился, пробовалъ отшучиваться, но подъ конецъ неожиданно заявилъ: „Вы, видимо, этихъ дѣлъ совсѣмъ не знаете, а я васъ прошу вѣрить слову джентльмена: я даю все, что̀ могу, за тѣ деньги, какія получилъ!“ — и послѣ того куда-то заторопился...

Если ужъ англичанинъ сдѣлалъ такую декларацію, то явно, что бо̀льшаго изъ него никакими клещами не вытянешь... Обратился за разъясненіями къ Макъ-Лэрну. Былъ посрамленъ и вынужденъ признать себя, дѣйствительно, „въ этихъ дѣлахъ“ ничего не понимающимъ.

Инженеръ прямо глумился, а я... терпѣлъ и поучался.

— Вы думаете, онъ такъ и выложитъ вамъ „коммерческую тайну“? Онъ этотъ подрядъ

взялъ только для рекламы, какъ заказъ „русскаго морского министерства“! Это не шутка!.. Наживетъ не много, а чего добраго, и въ убытокъ сработаетъ...

— Какъ въ убытокъ, когда ваша же „Ольга“ строится, по цѣнѣ за тонну, на цѣлую треть дешевле?

— Треть!.. такъ вѣдь треть—это $33^1/_3$ процента, а въ вашемъ дѣлѣ заключеніе контракта и утвержденіе спецификаціи обошлись ему въ 35, если не въ 40 процентовъ съ номинальной стоимости!..

Тогда я не хотѣлъ ему вѣрить, даже разсердился, но впослѣдствіи... особенно теперь, когда мы имѣемъ офиціальныя свѣдѣнія, что американцы строятъ броненосцы новѣйшаго типа по 700 рублей за тонну, а у насъ нѣчто много худшее обѣщаютъ соорудить по 1.700 рублей—приходится вѣрить...

Какъ было спорить, когда самъ покойный З. П. Рожественскій вотъ что разсказывалъ о своемъ пребываніи въ Англіи, въ должности морского агента:

— Получаешь предписаніе: экстренно заказать и выслать то-то и то-то. Ѣдешь на за-

водъ. Полная готовность исполнить заказъ, выслать немедленно и т. д., но относительно цѣны—вопросъ: — „Кто будетъ платить? Вы, чекомъ изъ кредитива посольства, или расчетъ будетъ съ Главнымъ Управленіемъ Кораблестроенія и Снабженій?“ — „Да не все ли равно?“ — „Большая разница. Если вы будете платить — цѣна по прейскуранту, какъ для всѣхъ; если не вы — цѣна по особому соглашенію“.

Тоже не хотѣлось вѣрить, думалось — шутитъ...

Впрочемъ оставимъ воспоминанія и обратимся къ цифрамъ и документамъ.

Симоносакскій мирный договоръ, разорванный подъ угрозой вооруженнаго вмѣшательства европейской коалиціи, руководимой Россіей, конечно, не могъ вызвать въ Японіи иного чувства, кромѣ жажды реванша.

Положимъ, потери японцевъ за время войны съ Китаемъ исчислялись двумя-тремя тысячами убитыхъ; но развѣ право побѣднаго господства опредѣляется размѣромъ потерь? Развѣ мы, напримѣръ, отступимся отъ нашихъ средне-азіатскихъ владѣній въ силу того, что обвет-

шалыя ханства покорялись не арміями, а отрядами изъ нѣсколькихъ батальоновъ?

Японцы (нельзя этого не признать) были глубоко правы, возмущаясь совершеннымъ надъ ними насиліемъ. Они побѣдили врага въ открытомъ бою; этотъ врагъ, потерявшій надежду на успѣшное сопротивленіе, поспѣшилъ замириться, уступивъ часть своей территоріи, de facto уже у него отнятой, — и вдругъ является новый врагъ (бывшіе друзья), который говоритъ. „Это досталось вамъ слишкомъ дешево! Уходите, не то... выведемъ!..“

Они ушли, но ушли, затаивъ злобу, въ надеждѣ посчитаться, когда настанетъ время, болѣе благопріятное.

Единственнымъ ихъ утѣшеніемъ являлась мысль, что „было почти ничьимъ—ничьимъ и осталось“.

16 марта 1898 г. и это слабое утѣшеніе было разбито: Россія заняла Портъ-Артуръ и мало-по-малу начала прибирать къ своимъ рукамъ всю Манчжурію. Пусть на квадратную милю Манчжуріи приходилось всего по нѣсколько капель японской крови, цѣною которой она была занята; но вѣдь японцы шли на

рискъ, могли пролить рѣки крови. Вѣдь до японо-китайской войны Китай считался грозной силой, которую боялись расшевелить...

Только слѣпые не видѣли и не понимали, противъ кого такъ лихорадочно вооружается Японія. Впрочемъ, какъ будто и не было совсѣмъ слѣпыхъ. Кое-что соображали: строили флотъ, создавали эскадру Тихаго океана, словно предвидя, что побѣдителемъ окажется тотъ, кто будетъ владѣть моремъ...

И что же? Готовясь къ рѣшительной борьбѣ, за тотъ же промежутокъ времени, мы израсходовали на усиленіе флота и его содержаніе вдвое больше, нежели Японія, и были — не просто побѣждены, *но разгромлены!..*

Съ 1896 по 1904 г. на содержаніе и усиленіе флота израсходовано (въ милліонахъ рублей):

	Содержаніе существующаго флота.	Новое судостроеніе.	Всего.
Россія	405,6	355,3	760,9
Японія	168,0	219,2	387,2

Цифры удручающія, говорящія сами за себя; комментировать ихъ, въ виду всѣмъ извѣстныхъ результатовъ, кажется излишнимъ.

Полный разгромъ флота...

Но вѣдь чины этого „флота“ вынуждены были сражаться съ врагомъ тѣмъ оружіемъ, которое было дано имъ въ руки чинами „морского вѣдомства“, всегда твердо памятовавшими, что не имъ придется нести тяжесть кровавой расплаты.

Миноносцы: съ ходомъ 20—25 узловъ противъ 30-узловыхъ, со снарядами въ $13^1/_2$ золотниковъ разрывного заряда противъ снарядовъ въ $2^1/_2$ фунта... Броненосцы: съ ходомъ 12 узловъ противъ 16-узловыхъ, со снарядами въ 15 фунтовъ разрывного заряда противъ снарядовъ въ 106 фунтовъ... Крейсера...—Ну, объ этихъ и говорить нечего!..

Какъ бы ни былъ плохъ личный составъ, но тотъ фактъ, что при Цусимѣ наша эскадра была истреблена, непріятельская же не потеряла ни одного корабля, а въ личномъ составѣ понесла уронъ совершенно ничтожный (113 убитыхъ, 382 раненыхъ и 42 контуженыхъ), не можетъ быть объясненъ исключительно неподготовленностью экипажей. Вѣдь это не бой— а бойня...

Ясно, что матеріальная часть того, что име-

новалось „русскимъ флотомъ“, созданіе и содержаніе коего въ исправности всецѣло лежало на обязанности „морского вѣдомства“, было весьма далеко отъ совершенства. Вспомнимъ хотя бы сдѣлавшуюся исторической фразу, произнесенную Небогатовымъ на судѣ: *„Я спросилъ: почему мы не отвѣчаемъ? — а флагманскій артиллеристъ говоритъ:—Наши снаряды не долетаютъ.—Это м ня сокрушило...“*—Есть отъ чего „сокрушиться“! Вѣдь сблизиться на дистанцію, на которой *снаряды могли бы долетать*, средствъ не было—непріятель обладалъ преимуществомъ въ скорости хода!...

Похоже на то, какъ если бы сошлись два врага: одинъ — пѣшій и съ гладкоствольнымъ пистолетомъ, бьющимъ на двадцать шаговъ, другой—верхомъ на лошади и съ добрымъ браунингомъ въ рукахъ.

Откуда же взялось такое... возмутительное неравенство въ вооруженіи? Гдѣ корень зла?

Источникъ его все тотъ же: исконное засилье „вѣдомства“ надъ „флотомъ“.

Казалось бы, что чины перваго должны имѣть назначеніе чисто служебное, должны „обслуживать“ флотъ, такъ какъ не имъ, а

ему придется схватиться съ врагомъ грудь съ грудью—и кто же, какъ не онъ самъ, наилучшій судья въ дѣлѣ оцѣнки оружія, даннаго ему въ руки?

На дѣлѣ выходило иначе.

Донесенія моряковъ-практиковъ (этихъ „ремесленниковъ“) въ лучшихъ случаяхъ пріобщались „къ дѣламъ“, а иной разъ вызывали даже репрессіи по адресу лицъ, „сующихся не въ свое дѣло“ или „пытающихся чему-то учить“ непогрѣшимыхъ „sous-flèchistes“ (какъ ихъ окрестилъ мой добрый знакомый).

До чего доходило торжество централизаціи и полноты власти—покажутъ примѣры.

Обнаруживался такой сюрпризъ, что въ Кронштадтѣ надо готовить суда къ плаванію, а необходимыхъ матеріаловъ въ порту не имѣется. Почему они не доставлены поставщиками? Потому что въ контрактѣ, заключенномъ Главнымъ Управленіемъ Кораблестроенія и Снабженій, сказано: „въ началѣ года“ (понятіе крайне растяжимое)—и поставщикъ, съ полнымъ правомъ, ждетъ открытія навигаціи, когда доставка матеріаловъ водою (изъ Петербурга) обойдется ему во много разъ дешевле,

нежели перевозка по желѣзной дорогѣ до Ораніенбаума и дальнѣйшая—гужемъ, по льду. А работы-то надо закончить къ моменту *открытія* навигаціи, и матеріалы для этого надо имѣть въ рукахъ не „*въ* началѣ года“, а „*къ* началу года“!..

Можно ли думать, что подобнаго рода недомолвки въ контрактахъ являлись чисто случайными?...

Въ 1895-мъ году признано было необходимымъ поставить новые котлы на крейсеръ „Адмиралъ Корниловъ“, спущенный на воду въ 1887-мъ году. Надо замѣтить, что крейсеръ этотъ строился въ Сенъ-Назерѣ (близъ Нанта), при чемъ довѣреннымъ лицомъ морского вѣдомства являлся г. Алексѣевъ, бывшій тогда нашимъ морскимъ агентомъ во Франціи. Онъ же оказался и первымъ командиромъ вновь построеннаго крейсера, который (крейсеръ, а не Алексѣевъ) отличался отъ своихъ сверстниковъ прочихъ флотовъ отсутствіемъ двойного дна.

Котлы рѣшено было, въ видѣ опыта, мѣнять во Владивостокѣ, не возвращая крейсеръ въ Кронштадтъ; но такъ какъ мѣстный портъ не могъ построить ихъ своими средствами, то они

были присланы готовыми. Вскочило въ копеечку. Но это цвѣточки, а ягодки будутъ впереди...

Старые котлы, снятые съ крейсера, негодные для боевыхъ цѣлей, оказались въ такомъ состояніи, что еще десятки лѣтъ могли бы служить на любомъ грузовикѣ, совершающемъ свои рейсы со скоростью восьми узловъ. При бѣдности, на Дальнемъ Востокѣ, частныхъ судостроительныхъ заводовъ, охотниковъ сдѣлать покупку, „по случаю“ появилось множество. Не продали. Почему? Да потому, что котлы были „удостоены въ ломъ“, подлежали разлому и отсылкѣ въ Петербургъ, гдѣ Главное Управленіе Кораблестроенія и Снабженій распорядится съ ними по закону.

И разломали (недешево стоило), и отослали (тоже за хорошія деньги) и... распорядились выводомъ въ расходъ...

Какъ назвать такое... хозяйство?

Въ „Расплатѣ“ я привелъ уже немало примѣровъ тому, какъ господа изъ-подъ „шпица“ закрывали глаза на результаты боевого опыта, какъ они въ распространенныхъ газетахъ при посредствѣ людей, обладающихъ бойкимъ перомъ

и оттуда же (изъ-подъ „шпица“) полученнымъ патентомъ на званіе ученаго моряка,—вѣщали русскому обществу, что „къ непосредственному боевому опыту надо относиться съ тщательной критикой“ и что не оправдались „преувеличенныя ожиданія отъ боевого опыта“.

Не хочу повторяться; скажу лишь, что если, во время самой войны, къ свидѣтельству непосредственныхъ ея участниковъ, учившихся на горькомъ и кровавомъ опытѣ, могли относиться съ такимъ великолѣпнымъ пренебреженіемъ, то что дѣлалось въ мирное время въ періодъ подготовки къ войнѣ? Какъ третировались мнѣнія истинныхъ тружениковъ моря тѣми стратегами, что въ тиши кабинета изучали высокое военно-морское искусство, чуждаясь морского ремесла, какъ несвойственнаго, по ихъ мнѣнію, „человѣку изъ общества“, а попросту—непригоднаго для бѣлоручекъ, желающихъ носить морской мундиръ, но вовсе не желающихъ плавать иначе, какъ въ Біаррицѣ и въ пріятной компаніи особъ „своего круга“.

Начальники эскадръ и отрядовъ, командиры кораблей, даже морскіе агенты, могли писать что угодно; ихъ донесенія либо не получали

никакого движенія, оставаясь (часто даже нераспечатанными) въ шкапахъ главнаго морского штаба, либо направлялись по принадлежности въ морской технический комитетъ или въ Главное Управленіе Кораблестроенія и Снабженій. Въ первомъ говорили: „кажется, учить вздумали?“ и, въ зависимости отъ настроенія, либо просто клали въ шкапъ, либо писали строгую отповѣдь на тему: „яйца курицу не учатъ“. А во второмъ,—хитро подмигивая, подшивали „къ дѣламъ“, какъ пожеланіе, несоотвѣтствующее дѣйствующимъ законоположеніямъ, согласно которымъ ни одинъ расходъ не можетъ пройти мимо рукъ центральнаго учрежденія, дабы къ другимъ рукамъ ничего не прилипло.

V.

Записка адмирала Макарова о программѣ судостроенія.

ВЪ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ вѣчной борьбѣ между бронеи и снарядомъ наступилъ моментъ, когда побѣда, казалось, была на сторонѣ первой. Круппу удалось выработать такой образецъ плиты, о поверхность которой разбивалась головная часть наилучшаго, имъ же изготовленнаго, снаряда...

Инспекторомъ морской артиллеріи былъ въ то время покойный адмиралъ С. О. Макаровъ, посаженный на это мѣсто, потому что другого подходящаго назначенія не нашлось, а можетъ быть и не безъ тайной мысли—утопить безпокойнаго человѣка въ канцелярскомъ болотѣ морского техническаго комитета.

Вышло иначе: не только не удалось задушить бумагами, но, какъ всегда въ жизни вы-

дающихся дѣятелей, и самъ „случай“ пришелъ на помощь.

Испытывались на полигонѣ броневыя плиты и снаряды.

По недосмотру (происшествіе прямо невѣроятное) одну изъ плитъ установили задомъ напередъ, т.-е. обративъ ее къ орудію не лицевой, по крупповскому способу закаленной, стороной, а мягкой (незакаленной) изнанкой, въ которой долженъ былъ „завязнуть“ уже раздробившійся (деформированный) снарядъ.— Случилось чудо.—Снаряды пронизывали плиту, какъ слой масла (выраженіе излюбленное техниками), не претерпѣвая сами никакой деформаціи: хоть опять клади въ пушку.

Представьте себѣ эту картину: смятеніе и растерянность съ одной стороны, ликованіе (тѣмъ болѣе восторженное, что совершенно неожиданное) съ другой...

Ошибку замѣтили, и новая плита, поставленная „какъ слѣдуетъ“, оказалась непроницаемой.

Въ чемъ же заключался секретъ? Ученые техники не замедлили разъяснить, что „такъ и слѣдовало ожидать“. Живая сила снаряда

при встрѣчѣ съ закаленной поверхностью плиты разрушала снарядъ, какъ обладающій меньшей массой (инерція преодолѣвала скорость). Когда же закаленный снарядъ шелъ съ изнанки, то онъ безъ труда врѣзывался въ сравнительно мягкую толщу, пронизывалъ ее и выламывалъ передъ собою тонкую закаленную кору лицевой стороны. Шутники утверждали, что онъ, „начавши съ легкаго, успѣвалъ привыкнуть къ исполненію болѣе труднаго“ — и, пожалуй, это объясненіе говоритъ уму непосвященнаго больше, чѣмъ какія бы то ни было формулы.

Ученые мужи „констатировали фактъ“ и успокоились (въ родѣ того доктора, который больше всего интересовался: икалъ ли его пацієнтъ передъ смертью?); но С. О. Макаровъ, не принадлежавшій къ этому цеху, чрезвычайно заинтересовался самымъ фактомъ, и не съ научной, а съ практической точки зрѣнія.

— Мнѣ пришло въ голову (такъ самъ онъ мнѣ разсказывалъ), что если закаленную поверхность плиты легко пробить съ изнанки, такъ нельзя ли эту изнанку насадить на головную часть снаряда?

Будучи инспекторомъ морской артиллеріи, приказать произвести опытъ и лично присмотрѣть за выполненіемъ приказанія — не было трудно.

Сказано — сдѣлано. С. О. проволочекъ не терпѣлъ.

Насадили на головную часть снаряда нашлепку изъ незакаленной брони, выпалили — дыра! попробовали еще и еще—какъ въ масло!..

Это и была идея бронебойныхъ снарядовъ „съ колпачками“, идея, немедленно ставшая извѣстной за границей и (повторяю—это былъ періодъ увлеченія бронебойными снарядами) повсюду принятая къ руководству и исполненію.

Повсюду, кромѣ... Россіи.

Если бы С. О. оставался еще нѣкоторое время главнымъ инспекторомъ морской артиллеріи, то, несомнѣнно, при его энергіи ему удалось бы провести свою идею въ жизнь въ самый короткій срокъ; но тутъ какъ-разъ онъ получилъ новое назначеніе, и ученые мужи, нѣсколько шокированные тѣмъ, что идея дана „строевикомъ и не-спеціалистомъ“, занялись на досугѣ выработкой наилучшаго типа кол-

чика и наилучшаго способа его прикрѣпленія.

Въ результатѣ... Лѣтомъ 1902-го года посѣтило Кронштадтъ учебное судно Аргентинской республики „Presidento Sarmiente“, командиръ котораго, со свойственной южанамъ экспансивностью, называя адмирала великимъ учителемъ, именовалъ его также и „побѣдителемъ брони“, такъ какъ снаряды съ колпачками—его изобрѣтеніе.

Боюсь, что читатели не повѣрятъ, но все же скажу: въ это время у насъ все еще вырабатывался „наилучшій типъ колпачка и наилучшій способъ его прикрѣпленія“...

Окончательно выработали и то и другое чуть-ли не наканунѣ японской войны, когда за границей (и въ Японіи, конечно) давно уже увлеклись новой идеей: фугаснаго снаряда, снаряда-мины.

„Nous arrivons toujours trop tard!“... Въ опереткѣ это выходитъ очень смѣшно; но въ дѣлѣ обороны государства „упущеніе времени смерти невозвратной подобно“. Такой завѣтъ данъ великимъ преобразователемъ Россіи.

Можетъ быть, люди снисходительные, склон-

ные къ всепрощенію, скажутъ: „не судите строго..: Ну, увлеклись бронебойностью, въ ней полагали залогъ побѣды... Чистосердечно заблуждались“... а шутники добавятъ: „работали надъ колпачками — и оказались колпаками“. — Но это будетъ несправедливо. Идея фугаснаго снаряда, снаряда-мины, зародилась давно. Еще въ половинѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія у насъ испытывались длинные (4,2 калибра длины) снаряды съ тонкой оболочкой и огромнымъ разрывнымъ зарядомъ. Снаряды эти оказались слишкомъ дорогими, а при изготовленіи „на-дешевку“ ничего хорошаго не выходило. При полномъ зарядѣ орудія снарядъ, изъ-за несовершенства выдѣлки, ломался при вылетѣ изъ дула, а иногда и въ самомъ каналѣ орудія, вызывая если не разрывъ, то серьезныя поврежденія самой пушки. Приступили къ всестороннимъ испытаніямъ и къ изысканію наилучшаго типа, при чемъ вмѣсто того, чтобы требовать отъ заводовъ приспособленія ихъ средствъ къ новому снаряду, начали приспособлять снарядъ къ средствамъ заводовъ. Попробовали уменьшить начальную скорость, чтобы снарядъ не раскалывался въ

дулѣ; не вышло, ибо при малой начальной скорости не получалось достаточной быстроты вращенія, и снарядъ „опрокидывался“. Утолстили стѣнки—снарядъ оказался тяжелъ для полнаго заряда: пушка не выдерживаетъ. Нѣсколько укоротили, нѣсколько утолстили стѣнки и нѣсколько уменьшили зарядъ... Много лѣтъ трудились и наконецъ выработали. Къ началу русско-японской войны мы имѣли „фугасные“ снаряды, разрывной зарядъ которыхъ составлялъ 2—3 процента отъ ихъ общаго вѣса, тогда какъ въ японскихъ „бронебойныхъ“ снарядахъ онъ былъ въ $5^1/_2$ процентовъ, а въ „фугасныхъ“—13%.

Я вообще не поклонникъ адмирала Бирилева, но въ остроуміи ему отказать нельзя, а вѣдь это онъ (еще не достигши адмиральскихъ чиновъ) пустилъ въ оборотъ крылатое изреченіе: „Не техническій комитетъ, а несчастное учрежденіе моей бѣдной родины“...

Тоже смѣшно, если бы... было въ опереткѣ.

Читатели вѣрно помнятъ громады строящихся броненосцевъ, занимавшія и правый, и лѣвый берега Невы въ концѣ XIX вѣка? Знаютъ ли они избитую остроту, которою обмѣ-

нивались между собою „моряки“ (настоящіе), проходя мимо нихъ на кронштадтскомъ пароходѣ?

— Кладбище мертворожденныхъ младенцевъ!

Да, впрочемъ, что остроты досужихъ людей!.. Что можетъ быть острѣе приводимой ниже замѣтки „Кронштадтскаго Вѣстника“ — газеты, субсидируемой морскимъ министерствомъ, въ которой каждая строчка, касающаяся морского вѣдомства, идетъ на предварительную цензуру къ начальнику штаба Кронштадтскаго порта? Тамъ, въ 1902 г., было напечатано, что „сегодня броненосецъ „Ослябя“, ходилъ въ море на оффиціальную пробу машинъ“; далѣе сообщалось, что все прошло вполнѣ благополучно, а что касается подробностей, то за поздпимъ временемъ онѣ не могли попасть въ этотъ номеръ, но будутъ напечатаны завтра, хотя (какъ простодушно отмѣтила газета, и не замѣтилъ начальникъ штаба) „особаго интереса эти свѣдѣнія не имѣютъ“, ибо машины броненосца, спроектированныя „десять лѣтъ тому назадъ“, являются уже „устарѣлыми“...

Можно сказать—„росписались“.

Во избѣжаніе излюбленнаго казенными критиками упрека въ голословности, въ несерьезности статьи и самого автора, пробавляющагося анекдотами, основанными на личныхъ воспоминаніяхъ, постараюсь въ заключеніе быть строго документальнымъ.

Документъ, которымъ я буду пользоваться, это — „Записка вице-адмирала С. Макарова о программѣ судостроенія на двадцатилѣтіе 1903—1923 гг.“, въ свое время „весьма секретная“, а нынѣ, особенно въ тоіі части, откуда я беру свои данныя (предисловіе), утратившая всякую секретность: вѣдь русско-японская воіна сказала много больше того, что адмиралу оказывалось возможнымъ изложить оффиціальнымъ языкомъ въ 1902-мъ году.

Составленіе записки было вызвано разсылкой старѣйшимъ адмираламъ флота соображеній о судостроительной программѣ на будущія двадцать лѣтъ, съ изрядноі книгоіі „матеріаловъ“, собранныхъ главнымъ морскимъ штабомъ.

По всеі справедливости и записку, и, въ особенности, предисловіе къ ней слѣдовало бы

напечатать полностью, какъ доказательство, что „были люди въ наше время“, но сила была не въ нихъ рукахъ, а въ рукахъ людей другого сорта.

Стѣсненный размѣрами статьи, я вынужденъ ограничиться краткимъ пересказомъ главнѣйшихъ положеній записки.

Боюсь, какъ бы и тутъ не сказали съ пренебреженіемъ: „анекдоты“... Замѣчу лишь, что „анекдоты“ эти изложены вице-адмираломъ С. О. Макаровымъ въ „весьма секретной“ запискѣ, представленной имъ „по командѣ“.

Послѣ нѣсколькихъ словъ „о цѣляхъ, для которыхъ назначается русскій военный флотъ“, и краткаго обзора современнаго состоянія флотовъ нашихъ возможныхъ враговъ и союзниковъ, стоимости ремонта и поддержанія боевой готовности судовъ, авторъ записки неожиданно приводитъ таблицу: „Отношенія водоизмѣщенія флота къ бюджету“.

	Россія.	Германія.	Англія.	Японія.
Размѣръ флота.	459.000	395.371	1.626.800	249.425
Бюджетъ (рубли)	116.255.417	68.835.600	260.088.000	39.676.700
Стоимость содер. одной тонны.	253,3	174,1	160,0	159,0

„Таблица показываетъ, что содержаніе нашего флота обходится гораздо дороже, чѣмъ содержаніе германскаго и, въ особенности, англійскаго и японскаго“, — замѣчаетъ авторъ записки, высказывая предположеніе, что главная разница зависитъ отъ „дороговизны нашего кораблестроенія и отъ отсутствія у насъ системы резерва“ (изъ дальнѣйшаго будетъ видно, что подъ словомъ „резервъ“ адмиралъ разумѣлъ не „превращеніе кораблей въ плавучія казармы“, чего онъ былъ горячимъ противникомъ, но „резервъ“ въ томъ смыслѣ этого слова, какой придается ему за границей).

Разобравшись затѣмъ (на основаніи данныхъ, полученныхъ съ различныхъ заводовъ) въ попудной стоимости различнаго рода металлическихъ издѣлій и пользуясь таблицей стоимости судовъ различныхъ типовъ, построенныхъ въ Россіи и за границей, адмиралъ приходитъ къ выводу, что „Ретвизанъ“, строившійся въ Америкѣ, обошелся на 21% дешевле „Пересвѣта“, строившагося на Балтійскомъ заводѣ, а „Богатырь“ (Штетинъ)—на 24,5% дешевле „Діаны“ (Спб. портъ). Между тѣмъ, „Богатырь“ на три узла быстроходнѣе „Діаны“,

а увеличеніе скорости хода увеличиваетъ стоимость постройки не въ прямой пропорціи, а въ геометрической прогрессіи *).

Причину такой дороговизны адмиралъ видитъ въ отсутствіи системы, въ отсутствіи единотипности не только судовъ, но и мелкихъ механизмовъ и предметовъ снабженія. „Для каждаго корабля все должно быть спеціальное“; нѣтъ однообразія даже въ якоряхъ, канатахъ, рулѣ, рулевыхъ приводахъ, винтахъ и пр. „При введеніи единотипности заводъ, предусматривающій постоянную работу, значительно понизитъ стоимость предметовъ... Для примѣра приведу, что если бы мы гильзы къ 6″ орудіямъ заказывали разнымъ заводамъ, для каждаго судна отдѣльно, то мы переплачивали бы огромныя деньги. Только устроивъ на Ижорскихъ заводахъ спеціальное приспособленіе для выдѣлки вполнѣ однообразныхъ гильзъ, мы могли понизить ихъ стоимость до благоразумныхъ предѣловъ“.

*) При этомъ надо имѣть въ виду, что судостроительные заводы «Крампъ и К°» и «Вулканъ» — коммерческія предпріятія, работающія съ выгодой для своихъ владѣльцевъ; значитъ, такъ называемая «своя цѣна» была еще ниже.

Приводится и еще примѣръ изъ личнаго опыта покойнаго: „Когда я поступилъ на должность главнаго инспектора морской артиллеріи, то снаряды каждаго калибра орудій были разнообразны. Каждый заводъ, выдѣлывавшій снаряды, придавалъ свою форму головной части и внутренней пустотѣ, также дну, донному винту и пр. Это вело къ разнообразію снаряженія и даже вызывало разнообразіе таблицъ стрѣльбы“.. Когда адмиралъ поднялъ вопросъ объ однообразіи снарядовъ (объ этомъ приходилось „поднимать вопросъ“!), то ему возразили, что заводы „не согласятся взять на себя отвѣтственность за то, что снаряды, сдѣланные не по ихъ чертежамъ, выдержатъ требуемыя испытанія“ (возражали, конечно, не сами заводы, а тѣ, въ чьихъ рукахъ были заказы и пріемка снарядовъ).

„Мнѣ однако удалось настоять, чтобы принятъ былъ одинъ чертежъ и даже введено было геометрическое подобіе снарядовъ всѣхъ калибровъ. Это сейчасъ же повело къ однообразію въ снаряженіи“, — скромно (чтобъ не дразнить гусей) заканчиваетъ адмиралъ и переходитъ къ своимъ наблюденіямъ и замѣткамъ

въ должности главнаго командира порта, стоящаго не такъ близко къ техникѣ, чтобы „быть въ состояніи повліять на однообразіе въ типахъ“. Мягко сказано, особенно принимая во вниманіе дальнѣйшія строки. Что дѣлать? Въ то время даже С. О. Макарову приходилось изъясняться эзоповскимъ языкомъ...

„Въ 1900-мъ году я поднялъ вопросъ о томъ, что мы имѣли *семьдесятъ шесть* образцовъ водомѣрныхъ стеколъ, и что полезно было бы свести это число къ десяти. Дѣло это мнѣ рѣшительно не удалось. Однообразіе можно ввести лишь подъ давленіемъ значительной силы. Въ настоящее время существуетъ разнообразіе во всемъ до болтовъ включительно, такъ что рѣзьба и гайка $^5/_8$ дюйм. болта одного завода не подходятъ къ рѣзьбѣ и гайкѣ другого завода. Мы, въ порту, имѣемъ множество особыхъ соединительныхъ гаекъ, для того, чтобы имѣть возможность соединять шланги, выдѣланные на разныхъ заводахъ“.

Но если разнообразіе типовъ, заказъ каждаго предмета, для каждаго корабля „на свой образецъ“, удорожаетъ постройку, то еще болѣе оно удорожаетъ починку.—„При ремонтѣ

различныхъ механизмовъ всякій разъ приходится составлять чертежъ поврежденной части и по нему выдѣлывать модель для одной отливки, тогда какъ при гуртовой изготовкѣ предметовъ одна модель служитъ для сотенъ отливокъ, и стоимость ея ложится на каждый предметъ копейками. — То же можно сказать про отковки: при единичной выдѣлкѣ приходится производить ручную отковку изъ желѣза, какое случится подъ рукой, тогда какъ при гуртовой выдѣлкѣ берется желѣзо спеціально-подходящее и употребляются соотвѣтствующіе штампы".

Какъ на иллюстрацію этой идеи, адмиралъ указываетъ на ружье, „въ которомъ, благодаря единотипности, выгоднѣе замѣнить испорченную часть новой, которая стоитъ копейки, нежели производить починку, которая обойдется въ рубли".

Казалось бы, даже совсѣмъ штатскаго, не только не-моряка, но даже не-военнаго, можно убѣдить подобными доводами,—а между тѣмъ самъ же адмиралъ „доносилъ по командѣ", что попытки этого рода ему „рѣшительно не удавались", за исключеніемъ того случая, когда

онъ располагалъ „давленіемъ значительной силы“.

Почему? — По недоразумѣнію техническаго комитета (что касается подозрѣнія въ злонамѣренности — отвергнемъ самую возможность такого предположенія) — или въ интересахъ заказчиковъ, заводовъ, пріемщиковъ?.. Вотъ въ чемъ вопросъ.

Далѣе адмиралъ говоритъ о „резервѣ“ (въ заграничномъ смыслѣ этого слова) и о вредѣ обычая содержать часть офицеровъ и команды на строящихся судахъ, что̀ за границей не принято.

„Во всѣхъ заграничныхъ портахъ можно увидѣть множество военныхъ кораблей, которые стоятъ вовсе безъ экипажей, но въ полной готовности къ мобилизаціи. При постройкѣ судовъ экипажа также не имѣется, и я самъ былъ на пробѣ американскаго броненосца „Масачузетъ“, который былъ вполнѣ готовъ, но на немъ не было не токмо военной команды, но даже не было командира и механика. Отъ военнаго флота на броненосцѣ, во время постройки, были „пріемщики“, т.-е. спеціальные люди, приставленные для контроля надъ добро-

качественностью постройки, которые и несутъ отвѣтственность за тщательность выполненія работы. За границей принято, что какъ только судно возвращается изъ плаванія, оно всецѣло передается въ руки порта, который производитъ ремонтъ и завѣдуетъ сбереженіемъ судовъ".

Назначеніе командира (допустимъ, свѣдущаго моряка, но никакъ не корабельнаго инженера) снимаетъ съ завода „большую долю отвѣтственности", да и „сама отвѣтственность раздваивается", а при невозможности провести точную границу—создается безотвѣтственность. Назначеніе экипажа на строящееся судно (какъ это у насъ принято) даетъ заводу еще больше случаевъ слагать съ себя отвѣтственность и переносить ее на строевой составъ.

„Съ этимъ дѣломъ, — продолжаетъ адмиралъ,—мнѣ пришлось считаться въ первый же годъ моей бытности главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта, когда заводы, сдававшіе миноносцы, постоянно заявляли, что поврежденія, случающіяся на пробахъ, происходятъ отъ неумѣлости нашихъ командъ. — По моему представленію, управляющій морскимъ

министерствомъ разрѣшилъ на сдающихся миноносцахъ не имѣть военнаго экипажа, и потому за послѣдніе два года не было никакихъ недоразумѣній при сдачѣ отъ завода.—Миноносцы сдаются подъ коммерческимъ флагомъ и отъ этого никакихъ неудобствъ не происходитъ. Вполнѣ увѣренъ, что и большія суда могутъ сдаваться подъ коммерческимъ флагомъ и что, вмѣсто содержанія военнаго экипажа на строящихся судахъ, выгоднѣе поручить наблюденіе за постройкой спеціальнымъ пріемщикамъ, въ числѣ которыхъ должны быть и опытные (спеціально для постройки) командиры".

Корабль неплавающій, находящійся въ порту, долженъ быть сданъ всецѣло на попеченіе и на отвѣтственность порта. Это была idée fixe адмирала, но, какъ самъ онъ сознается, ему „въ этомъ отношеніи удалось сдѣлать очень немного, ибо требуется кореннымъ образомъ измѣнить систему".

Какая же это система, безъ коренного измѣненія которой оказывались неосуществимыми никакія благія начинанія, о которую разбивалась даже энергія такого выдающагося дѣятеля, какъ покойный С. О. Макаровъ? Система

кормленія чиновъ морского вѣдомства, за счетъ флота. Гдѣ же процвѣтали бы сухопутные моряки, если бы не было вакансій на строящихся и ремонтирующихся судахъ, служба на которыхъ отнюдь не препятствовала „наколачиванію ценза“ при посредствѣ зачисленія... хотя бы на миноноску пристрѣлочной станціи. Къ слову сказать... (опять упрекнутъ, что анекдотъ, но вѣдь анекдотъ историческій!) — не могу не упомянуть объ этой миноноскѣ. Согласно разъясненію адмиралтействъ-совѣта, миноносцамъ и миноноскамъ, хотя бы стоящимъ въ гавани, считался полнымъ днемъ плаванія каждый день, въ который „разводили пары“ (безъ разводки паровъ — какъ и всѣмъ прочимъ—стояніе въ гавани исчислялось шесть дней за одинъ). Довольно ясно, что адмиралтействъ-совѣтъ подразумѣвалъ въ данномъ случаѣ разводку паровъ для хода. Разводили пары — значитъ, снимались съ якоря или со швартововъ, куда-то ходили, маневрировали, вообще „были въ плаваніи“.

Вышеупомянутая миноноска никуда не ходила; въ теченіе всей навигаціи (когда шесть, когда семь мѣсяцевъ) она стояла неподвижно

у пристани пристрѣлочной станціи въ Кронштадтѣ, по каждый день, кромѣ праздниковъ, „разводила пары“... для работы воздушнаго насоса, накачивающаго воздухъ въ пристрѣливаемыя мины, и каждый такой день, для лицъ, на ней числившихся, считался за день плаванія въ морѣ, а не въ $^1/_6$ дня...

Возвращаюсь къ запискѣ С. О. Макарова. По его мнѣнію, содержаніе налицо лишь такого числа офицеровъ и нижнихъ чиновъ, которое необходимо для обслуживанія дѣйствительно плавающихъ судовъ, дало бы значительную экономію, а въ случаѣ мобилизаціи, при наличіи такого кадра „настоящихъ моряковъ“, все остальное могло бы быть пополнено изъ запаса (офицеровъ и нижнихъ чиновъ); на то этотъ запасъ и существуетъ. Запасъ офицеровъ и механиковъ, конечно, долженъ быть созданъ по образцу, принятому за границей. Въ запасѣ (въ резервѣ) должны числиться не тѣ, что уволены въ запасъ по непригодности къ дѣйствительной службѣ, а „моряки“ (хотя бы отставные военные), предпочитающіе службу на коммерческихъ судахъ. „Лица, состоящія въ спискахъ (такого резерва заграничнаго образца)

должны имѣть свои преимущества, за которыя имъ ставится въ обязанность, въ опредѣленные сроки, плавать на военныхъ судахъ для практики. Въ минувшую (адмиралъ разумѣетъ русско-турецкую) войну всѣ машинныя команды судовъ активной обороны на Черномъ морѣ состояли изъ „вольныхъ“ механиковъ и машинистовъ, и я никогда не помню большей исправности по машинѣ, чѣмъ я имѣлъ на пароходѣ „Великій Князь Константинъ“. Люди эти оказались вполнѣ подходящими, и никакихъ нареканій не было на отсутствіе между ними дисциплины или военнаго мужества. Также у меня на пароходѣ были и вольные штурмана. Съ вольными же штурманами я имѣлъ дѣло на „Ермакѣ“ и нахожу, что эти привычные къ морю люди въ самый короткій срокъ осваиваются съ особенностями военной службы и что флотъ можетъ на нихъ разсчитывать... Намъ стоитъ только пожелать, чтобы списки резервовъ были съ лихвой заполнены людьми самыми отборными“.

Добавлю на основаніи личнаго моего опыта, что за время русско-японской войны многіе прапорщики запаса флота (моряки коммерче-

скаго флота, призванные на военную службу) показали себя героями, а что касается ихъ достоинствъ какъ моряковъ и спеціалистовъ своего дѣла, то врядъ ли ихъ станутъ оспаривать даже мичмана и молодые механики, считавшіеся надъ ними старшими.

Въ подтвержденіе своей идеи адмиралъ Макаровъ указывалъ, что вѣдь было же время (до введенія положенія о морскомъ цензѣ), „когда портовыми баркасами командовали офицеры флота“ (и, добавлю отъ себя, дослуживались до адмиральскихъ чиновъ), а „теперь это дѣло передано вольнонаемнымъ изъ отставныхъ боцмановъ и другихъ имъ равноцѣнныхъ людей. Надо идти въ томъ же направленіи дальше и завести вольную команду на всѣхъ транспортахъ и, по возможности, на всѣхъ вообще небоевыхъ судахъ“.

Не могу не напомнить еще разъ, что цитированное мною — оффиціальный документъ, писанный въ 1902-мъ году для представленія высшему начальству. По тому времени онъ былъ смѣлъ до дерзости, и потому многое (что я намѣтилъ въ своихъ примѣчаніяхъ) слѣдовало читать между строкъ...

На представленіе такого доклада (содержаніе котораго далеко мною не исчерпано) могъ рискнуть лишь С. О. Макаровъ, герой русско-турецкой войны, адмиралъ, пользовавшійся широкой популярностью во флотѣ, создатель „Ермака“, котораго знала вся Россія. Всякаго другого съѣли бы за такую дерзость...

И вотъ, все „весьма секретное“, написанное и въ строкахъ, и между строкъ, послѣ пережитаго нами разгрома, послѣ Артура и Цусимы—стало явнымъ.

И что же?—Использовали мы горькій, кровавый опытъ минувшей войны?..

VI.

Что сдѣлано послѣ Цусимы.

СТРОГО говоря, для морского министерства война кончилась разгромомъ 14 мая 1905-го года; но не будемъ торговаться изъ-за нѣсколькихъ мѣсяцевъ и скажемъ, что со времени ратификаціи мирнаго договора прошло уже четыре года.

Что сдѣлано за это, немалое, время?

Какъ былъ использованъ горькій, кровавый опытъ минувшей войны?..

Личный составъ, обладающій боевымъ опытомъ, повсюду считается наиболѣе драгоцѣннымъ наслѣдіемъ всякой войны, даже несчастной.

Посмотримъ, на основаніи документальныхъ данныхъ, какъ отнесся къ этому наслѣдію адмиралъ Бирилевъ, первый морской министръ

въ Россіи (до него были „управляющіе морскимъ министерствомъ“, только присутствовавшіе при всеподданнѣйшихъ докладахъ генералъ-адмирала).

Возьмемъ „Списокъ адмираламъ и штабъ-офицерамъ“, изданный въ апрѣлѣ 1906 г., и отмѣтимъ, при исполненіи какихъ обязанностей состояли флагмана и капитаны, принимавшіе участіе въ дѣлахъ противъ непріятеля.

Въ головѣ списка стоитъ вице-адмиралъ Рожественскій, все еще числившійся въ то время начальникомъ главнаго морского штаба, но уже подавшій и прошеніе объ отставкѣ, и рапортъ съ просьбой о преданіи его суду — единственный отвѣтъ покойнаго на ту кампанію, которая велась противъ него извѣстными лицами на страницахъ „Новаго Времени“.

Не стану утверждать, чтобы адмиралъ Бирилевъ сочувствовалъ этой кампаніи. Вѣдь на гробъ З. П. Рожественскаго онъ возложилъ роскошный вѣнокъ, съ надписью: „Великому и Почитаемому“... Во всякомъ случаѣ, онъ не препятствовалъ травлѣ, которую, при желаніи, могъ бы прекратить въ любой моментъ, опубликовавъ документы, находившіеся у него въ

рукахъ. Если даже опубликованіе этихъ документовъ въ то время (1905—1906 гг.) признавалось... нежелательнымъ и даже было запрещено,—то надо ли доказывать, что адмиралъ Бирилевъ, если бы пожелалъ, могъ бы «воздѣйствовать» на тѣхъ лицъ, которыя вели эту травлю.—Очевидно, и „воздѣйствовать“ онъ не пожелалъ.

Да, какъ сказать... можетъ быть, скорбя о горькой участи стараго друга, адмиралъ Бирилевъ, самымъ краешкомъ сердца, былъ даже чуть-чуть доволенъ. Вѣдь отвѣтственность за разгромъ, цѣликомъ взваливавшаяся на голову Рожественскаго, снималась съ его головы. Вѣдь это онъ былъ „главнымъ командиромъ флота и портовъ Балтійскаго моря“, который снаряжалъ вторую эскадру и который не долженъ былъ выпускать ее въ море въ томъ видѣ, въ какомъ она была, а тѣмъ болѣе рапортовать о ея полной боевой готовности. Вѣдь это онъ настаивалъ на возможности и необходимости отправки третьей эскадры „самотоповъ“, отъ которыхъ категорически отрекался Рожественскій и въ Россіи, и въ телеграммахъ съ Мадагаскара. Вѣдь это съ его голоса писались вдох-

новенныя статьи, заключавшіяся патетическимъ возгласомъ: „Не спрашивайте адмирала Рожественскаго!..“

Слѣдующимъ по списку стоитъ контръ-адмиралъ Іессенъ, бывшій начальникомъ владивостокскаго отряда крейсеровъ. Судьба этого адмирала настолько своеобразна, что по отношенію къ нему я не считаю себя въ правѣ ограничиться краткой замѣткой, тѣмъ болѣе, что въ „апрѣльскомъ изданіи списка“ онъ еще числится на службѣ.

Конечно, всѣ помнятъ, что единственный проблескъ успѣха на морѣ достался именно этому отряду. Одно время онъ такъ разгулялся на японскихъ путяхъ сообщенія, что негодующая толпа въ Токіо разгромила и сожгла домъ адмирала Камимуры за то, что онъ, со своей эскадрой первоклассныхъ броненосныхъ крейсеровъ, не умѣетъ поймать и уничтожить зловредный отрядъ, въ которомъ только одинъ корабль („Громобой“) заслуживалъ хоть сколько-нибудь названія современнаго броненоснаго крейсера.

Еще во время войны отношенія между начальникомъ отряда, ходившимъ въ море и

сражавшимся съ непріятелемъ, и командующимъ флотомъ Тихаго океана (адм. Скрыдловымъ), „не попавшимъ“ въ Портъ-Артуръ и проживавшимъ во Владивостокѣ, въ зданіи женской гимназіи, — были весьма рогатыя. Адмиралъ Скрыдловъ, имѣвшій въ своемъ штабѣ такого патентованнаго стратега и тактика, какъ г. Кладо, состоявшаго начальникомъ военно-морского отдѣла, рѣдко (чтобы не сказать никогда) находилъ дѣйствія начальника отряда удовлетворительными. Въ вину адмиралу Іессену ставилось даже его личное присутствіе на „Богатырѣ“ въ тотъ злополучный день, когда этотъ крейсеръ попалъ на камни при входѣ въ бухту Славянка. Объ этомъ случаѣ стоитъ сказать два слова. „Богатырю“ было приказано (конечно, высшимъ начальствомъ) идти въ Славянку. Былъ туманъ, какой бываетъ во Владивостокѣ, т.-е. „какъ молоко“. Начальникъ отряда перенесъ свой флагъ на „Богатырь“, чтобы лично принять участіе въ рискованной экспедиціи. Кончилось неудачей. Если бы онъ остался на „Россіи“, стоявшей во Владивостокѣ, или, еще лучше, проводилъ бы время на берегу, хотя и не въ зданіи жен-

ской гимназіи, а въ любомъ другомъ, то, разумѣется, былъ бы чистъ отъ всякихъ нареканій. Оказался недальновиднымъ...

Кончилась война—и адмиралъ Іессенъ привелъ въ Россію свой отрядъ, хоть и непобѣдоносный, но все же имѣвшій нѣкоторый успѣхъ, врагу не сдававшійся и въ нейтральныхъ портахъ не разоружавшійся. Приняли его въ Либавѣ — и для производства инспекторскаго смотра послали... адмирала Скрыдлова. Результатомъ инспекціи (смѣшно сказать—инспектировали „боевое ученіе“ на боевомъ отрядѣ) явился... выговоръ въ приказѣ, на который адмиралъ Іессенъ отвѣтилъ прошеніемъ объ отставкѣ.

Въ дальнѣйшемъ буду кратокъ и приведу „синодикъ“, выписанный изъ оффиціальнаго „апрѣльскаго изданія 1906 года“.

Контръ-адмиралъ Матусевичъ, командовавшій въ Портъ-Артурѣ первымъ отрядомъ миноносцевъ, а впослѣдствіи бывшій начальникомъ штаба адмирала Витгефта, раненный въ схваткахъ съ непріятелемъ по первой своей должности и тяжело раненный въ бою 28 іюля (на „Цесаревичѣ“)—безъ назначенія.

Контръ-адмиралъ Рейценштейнъ, командовавшій „Аскольдомъ“, произведенный въ адмиралы за боевыя отличія и начальствовавшій артурскимъ отрядомъ крейсеровъ — безъ назначенія.

Контръ-адмиралъ Щенсновичъ, командовавшій „Ретвизаномъ“, произведенный въ адмиралы за боевыя отличія—безъ назначенія.

Контръ-адмиралъ Вирень, командовавшій „Баяномъ“, произведенный въ адмиралы за боевыя отличія — младшій флагманъ эскадры Чернаго моря, т.-е., переводя на сухопутный языкъ, на роли бригаднаго командира, не имѣющаго права „свое сужденіе имѣть“ и, къ тому же, вдали отъ „шпица“ *).

Капитанъ 1-го ранга Зацаренный, командовавшій „Побѣдой“—градоначальникъ города Николаева.

Капитанъ 1-го ранга Озеровъ, командовав-

*) Существуетъ разсказъ, можетъ быть апокрифическій, но упорно циркулирующій въ средѣ моряковъ, что въ концѣ 1908-го года адмиралу Вирену былъ предложенъ постъ морского министра. Онъ соглашался, но ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы были уволены въ отставку всѣ, кто хоть на одинъ день старше его въ чинѣ, чтобы онъ могъ быть полнымъ хозяиномъ. Это на него похоже. Условіе оказалось непріемлемымъ.

шій „Сисоемъ Великимъ“ — безъ назначенія. (Вскорѣ умеръ).

Капитанъ 1-го ранга Сарнавскій, командовавшій „Палладой“—счастливое исключеніе — командуетъ отрядомъ минныхъ крейсеровъ береговой обороны Балтійскаго моря (хоть и не Богъ вѣсть что, а все же при дѣлѣ).

Капитанъ 1-го ранга Успенскій, командовавшій „Полтавой“ — и. д. начальника отдѣла заготовленій и снабженій Главнаго Управленія Кораблестроенія и Снабженій (т.-е. переведенъ въ чиновники).

Капитанъ 1-го ранга Дабичъ, командовавшій „Громобоемъ“—тоже счастливое исключеніе—начальникъ учебно-артиллерійскаго отряда на кампанію 1906-го года. И тутъ, однако, нельзя не подивиться: Дабичъ, убѣжденный минеръ, до войны почти всю службу проведшій въ учебно-минномъ отрядѣ, вдругъ назначается начальникомъ отряда артиллерійскаго.

Капитанъ 1-го ранга Яковлевъ, командовавшій „Петропавловскомъ“ и счастливо спасшійся при гибели броненосца — командуетъ строящимся (и до нашихъ дней недостроеннымъ) броненосцемъ: „Императоръ Павелъ I“.

Капитанъ 1-го ранга Родіоновъ, командовавшій „Адмираломъ Нахимовымъ“ — командуетъ 20-мъ флотскимъ экипажемъ въ Кронштадтѣ (береговая должность, чисто хозяйственнаго характера).

Капитанъ 1-го ранга Андреевъ, командовавшій „Россіей“ — командуетъ 10-мъ флотскимъ экипажемъ въ Кронштадтѣ.

Капитанъ 1-го ранга Грамматчиковъ, командовавшій „Аскольдомъ“—въ распоряженіи начальника главнаго морского штаба (т.-е. не у дѣлъ).

Капитанъ 1-го ранга Поповъ, командовавшій „Мономахомъ“ — командуетъ 4-мъ флотскимъ экипажемъ въ Кронштадтѣ.

Капитанъ 1-го ранга фонъ-Эссенъ, командовавшій „Новикомъ“ и „Севастополемъ“—командуетъ „Рюрикомъ“,—строящимся въ Англіи. (Подальше отъ „шпица“ и отъ Петербурга).

Капитанъ 1-го ранга князь Ливенъ, командовавшій „Діаной“—безъ назначенія.

Капитанъ 1-го ранга Бубновъ, бывшій начальникомъ второго отряда миноносцевъ въ Портъ-Артурѣ — въ распоряженіи начальника главнаго морского штаба (не у дѣлъ).

Боюсь утомить читателей, спускаясь по іерархической лѣстницѣ ниже и перебирая капитановъ 2-го ранга и лейтенантовъ. Завѣрю лишь, что мною перечислены *всѣ* адмиралы и капитаны 1-го ранга, участвовавшіе въ дѣлахъ противъ непріятеля (немного ихъ уцѣлѣло!) и указана, на основаніи „списка“, судьба, ихъ постигшая. Есть и другіе, украшенные орденами, полученными якобы за боевыя заслуги, на дѣлѣ же никогда не слышавшіе свиста непріятельскаго снаряда; но судьба этихъ послѣднихъ значительно разнствуетъ отъ судьбы первыхъ. Сравнимъ, хотя бы, участь адмирала Іессена со счастливой долей гг. Брусилова и Бострема, вступившихъ въ командованіе его крейсерами („Громобоемъ“ и „Богатыремъ“) уже въ то время, когда военныя дѣйствія были фактически закончены: первый былъ назначенъ на вновь учрежденную должность начальника морского генеральнаго штаба, второй—на должность (тоже вновь учрежденную) товарища морского министра.

Поневолѣ скажешь, что „plus ça change, plus ça reste la même chose“.

Наиболѣе жестокому гоненію (со стороны

адм. Бирилева) подверглись офицеры и даже команда судовъ, сданныхъ Небогатовымъ. Еще бы! Самые непріятные свидѣтели, готовые подъ присягой утверждать, что ихъ отправили въ бой на „самотопахъ“ и рекомендовали либо „погибнуть съ честью“, либо уничтожить врага, стрѣляя изъ пушекъ, „снаряды которыхъ не долетали“...

Сразу былъ найденъ выходъ изъ такого затруднительнаго положенія: всѣхъ свидѣтелей превратить въ подсудимыхъ.—Вѣдь со скамьи подсудимыхъ можно давать только объясненія, которыя судъ „принимаетъ во вниманіе“... съ неизбѣжнымъ коэффиціентомъ, какъ показанія лица, еще не осужденнаго, но тѣмъ не менѣе основательно заподозрѣннаго въ совершеніи преступленія. Вѣдь преданіе суду (да еще по 729–ой статьѣ, грозящей смертною казнью) должно явиться результатомъ предварительнаго слѣдствія; значитъ слѣдственная власть нашла достаточный матеріалъ для обвиненія. Было ли такъ въ данномъ случаѣ? Нѣтъ. Приказъ о преданіи суду состоялся, по докладу адмирала Бирилева, раньше чѣмъ были опрошены лица, къ дѣлу причастныя, раньше даже чѣмъ была

образована слѣдственная комиссія... Получилась такая несообразность, что предсѣдатель слѣдственной комиссіи, при всей своей покорности волѣ начальства, вынужденъ былъ ходатайствовать (и для 8-ми человѣкъ исходатайствовалъ) объ исключеніи изъ числа обвиняемыхъ, хотя бы тяжело раненыхъ, не имѣвшихъ физической возможности воспрепятствовать сдачѣ.

Это вопіющее нарушеніе основныхъ принциповъ правосудія осталось безнаказаннымъ, такъ какъ адмиралъ Бирилевъ былъ „забронированъ“ состоявшимся приказомъ, не подлежащимъ критикѣ.

Однако прокуроръ, выступивъ противъ начальниковъ съ упрекомъ, почему они, вмѣсто стараго, со временъ Святослава принятаго клича: „Умремъ!“ сказали: „Сдаемся“ — отказался отъ обвиненія тѣхъ, которые не догадались взбунтоваться тотчасъ же, а когда опомнились, то было уже поздно.

Конечно, ихъ оправдали.

Нѣкоторые (и, какъ можно думать, наиболѣе ревнивые къ своей чести) тутъ же подали въ отставку. Они ждали оправдательнаго приго-

вора, какъ момента, когда они смогутъ сказать гг. Бирилевымъ и К°: „Намъ больше не по дорогѣ“.

Въ японскомъ госпиталѣ (въ Сасебо) черезъ три койки отъ меня лежалъ мичманъ баронъ У., съ „Николая“, схватившій еще въ тропикахъ злѣйшую перемежающуюся лихорадку. Часовъ около 4—5 пополудни у него начался припадокъ такой силы, что всѣ окружающіе думали: „конецъ“. Японцы (надо имъ отдать полную справедливость) дѣлали для него все возможное. Послѣ пароксизма—это былъ полутрупъ...

Такъ вотъ: когда въ судовой лазаретъ „Николая“ прибѣжалъ кто-то съ отчаяннымъ крикомъ: „Сдаемся!“—мичманъ сорвался съ койки и поползъ наверхъ... Разумѣется, недалеко ушелъ...

Онъ тоже сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ...

Надо ли говорить, что послѣ оправдательнаго приговора первой бумагой, которую онъ написалъ, было прошеніе объ увольненіи въ запасъ (въ отставку онъ не могъ выйти, такъ какъ былъ на службѣ менѣе десяти лѣтъ).

Но все же десятки молодыхъ офицеровъ (молодость—синонимъ горячности), оправдан-

ныхъ по суду, остались въ средѣ личнаго состава флота и, конечно, всегда были готовы подтвердить, что „самотопы“ были „самотопами“, что „снаряды не долетали“, и т. д., и т. д. Необходимо было принять крутыя мѣры.

На это хватило изобрѣтательности.

Уже состоялся приказъ о назначеніи морскимъ министромъ адмирала Дикова, но еще цѣлую недѣлю онъ не вступалъ въ должность, принимая дѣла отъ адмирала Бирилева—и въ это время послѣдній могъ распоряжаться подвѣдомственными ему чинами. Онъ распорядился—организовать на-спѣхъ какой-то „сверхъсудъ“ (въ нарушеніи всякихъ уставовъ, правилъ и положеній), которому былъ поставленъ вопросъ: прилично ли офицерамъ, находившимся на судахъ, сдавшихся непріятелю, носить морской мундиръ?

Все сдѣлалось бы по желанію адмирала Бирилева, да помѣшалъ адмиралъ Диковъ, который вовсе не склоненъ былъ платить за горшки, разбитые при его предшественникѣ. По докладу новаго министра приговоръ „сверхъсуда“ не былъ утвержденъ.

Однако ударъ, нанесенный адмираломъ Би-

рилевымъ передъ оставленіемъ имъ своего поста, достигъ цѣли. Тѣ, кто послѣ оправдательнаго приговора, считали „инцидентъ исчерпаннымъ“ и собирались послужить родному флоту своимъ опытомъ, едва заслышавъ о новомъ „сверхъ-судѣ“,—подали въ отставку.

Остались на службѣ люди необидчивые, разсчитывавшіе, что „авось, обойдется... какъ-нибудь доживу до пенсіи“... Ушли тѣ, кто самую возможность постановки вопроса объ ихъ правѣ носить мундиръ, изорванный въ бояхъ осколками непріятельскихъ снарядовъ, обагренный ихъ кровью,—считали обидой...

Оставивъ открытымъ вопросъ объ отвѣтственности младшихъ офицеровъ сдавшихся судовъ (хотя самъ прокуроръ отказался отъ ихъ обвиненія), спросимъ: возможно ли было, вовсе безъ суда, обвинить и покарать нижнихъ чиновъ?

Адмиралъ Бирилевъ рѣшилъ этотъ вопросъ со свойственной ему энергіей: согласно его докладу, болѣе двухъ тысячъ человѣкъ были исключены изъ службы съ лишеніемъ воинскаго званія. Прошло полгода. Правда начала бить въ глаза. Исключеннымъ вернули воинское

званіе. Затѣмъ мѣсто адмирала Бирилева занялъ адмиралъ Диковъ—и десятки этихъ людей получили знакъ отличія военнаго ордена (солдатскій Георгій) за подвиги мужества и самоотверженія, проявленные въ бою...

Такая награда—не милость, а воздаяніе по заслугамъ, предусмотрѣннымъ въ статутѣ ордена.

Какъ же назвать тотъ докладъ, на основаніи котораго состоялся первоначальный приказъ?

Со вступленіемъ въ должность морского министра адмирала Дикова — личный составъ „флота“ встрепенулся. Ждали, что старый морякъ, помнящій Лазарева и Нахимова, укажетъ кому слѣдуетъ надлежащее мѣсто.

Но... вѣдь болѣе полувѣка прошло съ того времени, какъ на бастіонахъ Севастополя онъ заслужилъ знакъ отличія военнаго ордена. Срокъ изрядный...

Что могъ—сдѣлалъ. Попрекнуть его—никто не рѣшится. Во всякомъ случаѣ безспорной заслугой адмирала Дикова является прекращеніе гоненія на непосредственныхъ участниковъ войны, воздвигнутаго его предшественникомъ. Старый севастополецъ цѣнилъ боевой опытъ. Но... годы берутъ свое.

„Правила прохожденія службы“, замѣнившія собою „Положеніе о морскомъ цензѣ“, казались адмиралу наилучшимъ средствомъ къ устраненію того „недостатка правды во всемъ строѣ службы и несоотвѣтствія кажущагося съ дѣйствительнымъ“, о которомъ, за 25 лѣтъ до него, доносилъ вновь назначенный молодой генералъ-адмиралъ.

На дѣлѣ эти „Правила“ оказались тѣмъ же „Положеніемъ“, еще усовершенствованнымъ въ смыслѣ охраненія правъ и преимуществъ чиновъ „вѣдомства“ передъ чинами „флота“.

Гвоздемъ реформы (конечно, для первыхъ) было учрежденіе особаго сословія „берегового состава флота“. Нѣчто въ родѣ пѣшей кавалеріи или сухой воды. При дѣйствіи ценза (даже изуродованнаго) все же оказывалось необходимымъ хоть видъ дѣлать, что плаваешь, и „наколачивать“ положенное число мѣсяцевъ, „гастролируя“ то тутъ, то тамъ. Долговременное пребываніе подъ „шпицемъ“, или въ иномъ тепломъ мѣстѣ, неминуемо влекло за собою перемѣну костюма, т.-е. перечисленіе по адмиралтейству, съ превращеніемъ изъ лейтенанта,

капитана 2-го ранга и капитана 1-го ранга—въ капитана, подполковника, полковника.

Являлось опасеніе, что „черезъ срокъ“ (какъ говорятъ гадалки) „подъ шпицемъ“ окажутся носящими морской мундиръ только морской министръ, его товарищъ да начальникъ штаба.

Представьте себѣ такую картину. Главнокомандующій войсками гвардіи и с.-петербургскаго округа посылаетъ генерала „подъ шпицъ“ для личныхъ объясненій по какому-нибудь вопросу—и этотъ генералъ, вернувшись, докладываетъ, что, къ величайшему своему изумленію, кромѣ высшаго начальства, ни одного „моряка“ „подъ шпицемъ“ не видѣлъ.

Новыя правила прохожденія службы, создавшія институтъ „чиновъ берегового состава флота“, въ корнѣ устраняютъ возможность такого недоразумѣнія. Генералъ, пріѣхавшій въ морское министерство, увидитъ вокругъ себя исключительно „моряковъ“, у которыхъ на лбу не написано, что они „берегового состава“, и, конечно, не усомнится, что находится въ „морскомъ“ министерствѣ. Вѣдь эти сухопутные—удивительно наивные люди. Они глубоко вѣрятъ, что никто не имѣетъ права носить не-

присвоеннаго ему обмундированія и что это обмундированіе свидѣтельствуетъ о спеціальномъ родѣ службы человѣка, его носящаго.— Чудаки! на свой аршинъ мѣрятъ...

Если сравнить число офицеровъ и нижнихъ чиновъ въ нашемъ флотѣ и въ германскомъ (не говоря уже про англійскій или японскій), то выйдетъ, что относительно къ водоизмѣщенію судовъ, имѣющихъ боевое значеніе, мы содержимъ личный составъ втрое больший противъ нашихъ сосѣдей, при чемъ у послѣднихъ всѣ боевые корабли укомплектованы, а у насъ повсюду—„не-комплектъ“.

Почему такъ? Да потому, что „тамъ“ всѣ носящіе морской мундиръ служатъ во флотѣ, т.-е. на боевыхъ судахъ, а у насъ—во флотѣ служатъ лишь чернорабочіе, ремесленники, которымъ чины „вѣдомства“, конечно, не препятствуютъ дѣлать ихъ дѣло, но при условіи, чтобы они всегда помнили свое мѣсто.

Назначеніе морскимъ министромъ адмирала Воеводскаго было многими привѣтствовано. Говорили, что хоть и нѣтъ за нимъ ни боевого, ни надлежащаго морского опыта, нѣтъ какихъ-нибудь особыхъ плюсовъ, зато нѣтъ и мину-

совъ. — Назначили же въ свое время Остермана, совсѣмъ штатскаго человѣка, генералъ-адмираломъ, чтобы „подтянуть“ тѣхъ, что облыжно выдавали себя за моряковъ!

Идетъ время—и кое-что сдѣлано въ смыслѣ разоренія того гнѣзда, которое свито было подъ сѣнью адмиралтейскаго шпица. Это, конечно, самое главное, такъ какъ залогъ успѣха—въ подборѣ и качествахъ дѣятелей, а не въ пересаживаніи ихъ съ одного кресла на другое и не въ замѣнѣ надписей надъ дверями различныхъ кабинетовъ. Не даромъ соловей объявилъ нѣкогда Крыловскому квартету свой авторитетный приговоръ. — „...какъ ни садитесь, все въ музыканты не годитесь“.

Да. Въ смыслѣ разгона кое-что сдѣлано, но, къ сожалѣнію, лишь кое-что, а вѣдь всегда надо считаться съ угрозой: хватитъ ли времени закончить начатое, при системѣ „festina lente“.

Еще Петръ Великій сказалъ, что „упущеніе времени—смерти невозвратной подобно“.

Возьмемъ хотя бы питомникъ будущихъ офицеровъ флота—морской корпусъ. Къ его реорганизаціи до сихъ поръ еще не присту-

плено, а между тѣмъ съ этого слѣдовало бы начать.

Вотъ цифры, такія сухія, скучныя, но такія краснорѣчивыя.

Юноша, пожелавшій посвятить себя службѣ во флотѣ, помимо изученія морскихъ наукъ теоретически (на берегу), обучается имъ практически, т.-е. на кораблѣ: въ Германіи—36 мѣсяцевъ, во Франціи—36 мѣсяцевъ, въ Англіи—64 мѣсяца, а въ Россіи—20 мѣсяцевъ...

Немного. Слѣдовало бы брать примѣръ съ Англіи, донынѣ сохраняющей титулъ „Владычицы морей“, или хотя бы съ Франціи и Германіи.

Защитники нашей системы любятъ ссылаться на Японію, гдѣ морскіе кадеты и гардемарины плаваютъ еще меньше нашего; но они забываютъ (или не хотятъ помнить), что въ Японіи морской корпусъ — всесословное учрежденіе (безъ всякихъ ограниченій), что тамъ на 180 вакансій является 1.900 кандидатовъ изъ прирожденныхъ моряковъ, все свое дѣтство проведшихъ на судахъ рыболовныхъ или каботажнаго плаванія. Собственно морскому дѣлу ихъ учить уже не приходится, а

надо учить только военному дѣлу. Они имѣютъ очень мало общаго съ тѣми, кто знакомился съ водой, до поступленія въ морской корпусъ, преимущественно... въ теплой ванночкѣ.

Если даже примириться съ 20-ью мѣсяцами практическаго обученія нашихъ будущихъ морскихъ офицеровъ, то все же нельзя не отмѣтить, что какъ до войны, такъ и теперь это оффиціальное „плаваніе“ больше похоже на жительство въ плавучихъ казармахъ или даже на плавучей дачѣ, нежели на дѣйствительное „плаваніе“.

Всѣмъ извѣстно, что семейства офицеровъ морского корпуса и его отряда нанимаютъ дачи въ Балтійскомъ Портѣ, являющемся „штабъ-квартирой“.

Существуетъ такой спасительный терминъ: „ходовой день“—т.-е. день, когда корабль снимался съ якоря, хотя бы... на полчаса.

Кадетскій отрядъ „наколачиваетъ“ (какъ прежде „наколачивали“ цензъ) до 15% такихъ ходовыхъ дней; но если перевести это на часы и сутки, проведенные въ морѣ, то выйдетъ едва ли не въ три раза меньше...

Гардемаринскій отрядъ „плаваетъ“ 12 мѣсяцевъ (хотя корабельные гардемарины, de facto, находятся на немъ лишь 11 мѣсяцевъ); но какое это плаваніе? Все то же, что было до войны вообще во всемъ флотѣ: краткіе переходы изъ порта въ портъ и долгія стоянки въ этихъ портахъ. Въ морѣ не живутъ, въ морѣ не учатся; морской переходъ—это временное нарушеніе правильно организованной жизни на якорѣ.

Это ли школа, въ которой должны вырабатываться моряки, проникнутые убѣжденіемъ, что „въ морѣ—значитъ дома“, какъ опредѣлялъ credo флотскаго офицера покойный С. О. Макаровъ?

Правда, чтобы не заслужить упрека въ замалчиваніи, не могу не отмѣтить, что за послѣднее время почуялись нѣкоторыя новыя вѣянія въ постановкѣ воспитанія молодого поколѣнія. Въ „Морскомъ Сборникѣ“ печатаются статьи, довольно рѣзко осуждающія существующіе въ морскомъ корпусѣ пріемы обученія, статьи, не только рекомендующія центръ тяжести обученія перенести на плавающіе корабли, но даже и самый морской корпусъ пере-

селить съ набережной Васильевскаго Острова на берегъ незамерзающаго моря. Но все это остается, пока, въ области разговоровъ и предположеній, отъ которыхъ у насъ такъ далеко до дѣла...

Мною была уже указана причина не-комплекта офицеровъ на боевыхъ судахъ; но какъ объяснить не-комплектъ нижнихъ чиновъ? Единственно—недостатками организаціи.

Люди, энергичные и преданные дѣлу, давно отмѣтили эти недостатки. Адмиралъ Макаровъ, записку котораго (1902 г., т.-е. до войны) я цитировалъ выше, называлъ содержаніе флотскихъ офицеровъ и матросовъ въ береговыхъ казармахъ „средствомъ къ ихъ развращенію“ и настаивалъ на возможности сокращенія общаго числа нижнихъ чиновъ флота на 30%, доказывая, что это послужитъ лишь на пользу, такъ какъ не будетъ „мужиковъ, одѣтыхъ въ матросскія рубахи, но никакого понятія о морѣ не имѣющихъ“.

Въ 1906 г. (послѣ войны) адмиралъ Рожественскій, тоже въ докладной запискѣ, поданной по начальству, предлагалъ свою систему (полу-англійскую, полу-нѣмецкую) ком-

плектованія судовъ нижними чинами, при которой вмѣсто 47 тыс. матросовъ было бы достаточно 28 тысячъ.

Въ свое время голосъ адмирала Макарова не былъ услышанъ. Адмиралъ Рожественскій за свое намѣреніе требовать коренныхъ реформъ или, какъ выражались нѣкоторые, „камня на камнѣ не оставить“, былъ... затравленъ.

Приходится удостовѣрить, что для укомплектованія боевыхъ (столь немногочисленныхъ) судовъ нашего флота опытной, хорошо обученной командой и для уменьшенія числа „мужиковъ, одѣтыхъ въ матросскія рубахи“—до сихъ поръ ничего не сдѣлано.

VII.

Куда и какъ расходуются деньги, отпускаемыя на флотъ.

Но если за $4^1/_2$ года „почти ничего“ не сдѣлано въ области подготовки, т.-е. образованія и воспитанія личнаго состава флота (допустимъ здѣсь это смягчающее слово „почти“), то въ отношеніи судового состава приходится, по всей справедливости, сказать, что „рѣшительно“ ничего не сдѣлано, и даже хуже—пошли назадъ.

До войны была хоть иллюзія того, что мы, по мѣрѣ отпускаемыхъ изъ государственнаго казначейства средствъ, прошедшихъ мимо Сциллы и Харибды (мимо шпица и таксы), что-то сооружаемъ и, хотя бы по справочной книжкѣ, удерживаемъ за собой мѣсто третьей морской державы.—Нынѣ и этого нѣтъ.

Деньги тратятся—и, относительно, огромныя деньги, — но, повидимому, не по назначенію.

Опять возьмемся за цифры. На содержаніе одной тонны своего боевого флота (по свѣдѣніямъ оффиціальнаго изданія морского министерства: „Военные флоты 1909 г.“) тратятъ въ текущемъ году:

Англія	184 рубля.
Россія	309 рублей.

Читатели въ правѣ не только возмутиться, но даже не повѣрить. Смѣю подтвердить, что эти свѣдѣнія взяты изъ нашего русскаго оффиціальнаго справочника.

И никакое негодованіе не въ силахъ измѣнить ни іоты въ бюджетѣ морского вѣдомства. Тутъ все надежно „забронировано“.

Вотъ, если полюбопытствовать, какъ именно организована эта... трата народныхъ денегъ, то изъ той же книжки легко усмотрѣть, что Англія, обладая военнымъ флотомъ въ 1.915.105 тоннъ, содержитъ въ составѣ его лишь 19.765 тоннъ судовъ, не имѣющихъ боевого значенія, т.-е. *одинъ процентъ*, а Россія, обладая воен-

нымъ флотомъ въ 581.320 тоннъ, содержитъ въ составѣ его 249.417 тоннъ судовъ, не имѣющихъ боевого значенія, т.-е. *сорокъ три процента.*

Цифры настолько краснорѣчивыя, что комментировать ихъ какъ будто не стоитъ; если же опѣломленные читатели спросятъ, зачѣмъ такъ дѣлаютъ?—то можно дать категорическій отвѣтъ: въ интересахъ успѣшнаго прохожденія службы лицами, носящими морской мундиръ, но „персонально къ навигацкому дѣлу касательства не имѣющихъ“.

Всѣ знаютъ, что въ Портъ-Артурѣ единственнымъ миноносцемъ, пригоднымъ для прорыва блокады, т.-е. не уступавшимъ японцамъ въ скорости, былъ миноносецъ „Лейтенантъ Бураковъ“, построенный въ Германіи въ 1896 г. для Китая и доставшійся на нашу долю при взятіи Таку, въ іюнѣ 1900-го года. Онъ дважды успѣшно прорывался въ Инкоу съ донесеніями изъ Портъ-Артура и доставлялъ обратно предписанія главнокомандующаго, а затѣмъ былъ взорванъ японцами, находясь на сторожевомъ посту, въ бухтѣ Тахэ. Послѣ его гибели посылать съ подобными порученіями было уже

некого, ибо наши миноносцы, постройки 1903-го года, „на пробѣ“ съ трудомъ давали 26 узловъ, а въ боевой обстановкѣ не могли разсчитывать больше какъ на 23, тогда какъ „Лейтенантъ Бураковъ“ (восьми лѣтъ отъ роду) безъ отказу давалъ 30.

Плохо строили до войны, и, казалось бы, горькій опытъ чему-нибудь долженъ былъ научить. Напрасныя надежды. На собранныя пожертвованія построили такъ называемый „народный флотъ“ — цѣлую серію минныхъ крейсеровъ и миноносцевъ съ ходомъ 26 узловъ и съ пушками, снаряды которыхъ несли въ себѣ $13^1/_2$ золотниковъ разрывного заряда, въ то время какъ сосѣди строили подобныя же суда, но со скоростью 33 узла и съ пушками, снаряды которыхъ имѣли разрывной снарядъ въ $2^1/_2$ фунта.

Это не сказка изъ „Тысячи и одной ночи“, а горькая дѣйствительность, которую всякій желающій можетъ провѣрить, заглянувъ въ указанную мною справочную книжку.

При началѣ войны ни въ Портъ-Артурѣ, ни во Владивостокѣ мы не имѣли ни одной подводной лодки.

— У японцевъ,—скажутъ мнѣ,—ихъ тоже не было.

Согласенъ, хотя не могу не ввести въ это возраженіе нѣкоторой поправки: японцы не состояли, какъ мы, уже много лѣтъ въ оффиціальномъ союзѣ съ Франціей—родиной подводнаго плаванія.

Можетъ быть французы не выдавали своего секрета даже союзникамъ? Допустимъ. Посмотримъ, что сдѣлано послѣ войны, когда, въ противовѣсъ рожденному боевымъ опытомъ „дредноуту“, техника подводнаго плаванія пошла впередъ гигантскими шагами.

Никому не поставимъ въ вину закупку (по сумасшедшимъ цѣнамъ) всякаго „подводнаго хлама“ во время войны. Тутъ, какъ на пожарѣ—хватай, что можно. Но кажется, что по заключеніи мира слѣдовало бы одуматься и перестать дѣйствовать со-слѣпу.

На дѣлѣ—видимъ нѣчто обратное.

Скупивъ наскоро (и, опять повторю, за это не только нельзя обвинять, а даже похвалить слѣдуетъ) все, что продавалось, у насъ рѣшили, что мы уже обладаемъ „отрядами“ подводныхъ лодокъ и въ дальнѣйшемъ можно не торопиться.

1-го апрѣля 1905-го года съ американскимъ инженеромъ Лэкомъ былъ заключенъ контрактъ на постройку, въ Россіи и русскими рабочими, четырехъ подводныхъ лодокъ, являвшихся для того времени „послѣднимъ словомъ“. Къ сожалѣнію, контрактъ, заслуживший прозвище „перво-апрѣльскаго“, былъ такъ написанъ, что, безъ ущерба для г. Лэка, лодки, которыя должны были быть готовы черезъ 18 мѣсяцевъ послѣ закладки, и по-сейчасъ еще „достраиваются“ (у насъ теперь декабрь 1909 г.) и, конечно, когда „достроятся“, уже не будутъ „послѣднимъ словомъ“, такъ какъ за время опозданія въ ихъ готовности было въ дѣлѣ подводнаго плаванія сказано много „новыхъ словъ“.

И самое ужасное—то, что эти еще недостроенныя, устарѣвшія за время постройки, лодки все же являются для насъ единственными хоть сколько-нибудь отвѣчающими (вѣрнѣе—обѣщающими отвѣчать, когда будутъ достроены) своему назначенію. Все прочее офицеры-практики подводнаго плаванія окрестили прозвищемъ „каррикатуръ на современные типы подводныхъ лодокъ“.

Мнѣ могутъ возразить, что въ распрѣ

„подводниковъ“ и „линейцевъ“ высшее морское начальство явно склонялось на сторону послѣднихъ, а потому подводный флотъ былъ, естественно, какъ бы „въ загонѣ“. Пусть такъ. Но что же сдѣлали эти люди въ томъ направленіи, которому они сочувствовали? Вѣдь отказы Государственной Думы въ кредитахъ на новое судостроеніе не имѣли никакихъ практическихъ результатовъ, и просимыя ассигнованія получались.

Что же сдѣлано?

Ничего.

Намъ обѣщаютъ, что къ 1914-му году у насъ будетъ четыре современныхъ (современныхъ 1909-му году?) броненосца, а между тѣмъ „дредноутъ“, предсказанный (спроектированный) итальянскимъ инженеромъ Куноберти еще до войны, уже болѣе двухъ лѣтъ плаваетъ въ составѣ англійскаго флота.

Мало того: вмѣстѣ съ первымъ „дредноутомъ“ плаваютъ еще 3 броненосца и 5 броненосныхъ крейсеровъ, являющихся развитіемъ того же типа (той же идеи), а на срокъ до 1911-го года къ нимъ присоединятся еще 8 броненосцевъ и 2 броненосныхъ крейсера.

— Англія не указъ!—скажутъ мнѣ.—Съ Англіей намъ не тягаться!

Ну вотъ другіе. Въ 1911-мъ году будутъ имѣть броненосцевъ и броненосныхъ крейсеровъ названнаго типа: Германія —9, Соединенные Штаты—6, Франція—6, Японія—6, Бразилія (!)—3.

Насколько измѣнятся эти цифры къ 1914-му году, къ которому насъ обѣщаютъ порадовать первой дивизіей изъ четырехъ „дредноутовъ“? И не окажутся ли эти броненосцы, къ тому времени какъ ихъ „достроятъ“, устарѣлыми подобно подводнымъ лодкамъ, донынѣ строящимся по „перво-апрѣльскому“ контракту?

Трудно отрѣшиться отъ этихъ сомнѣній... Содержаніе одной тонны боевого флота обходится намъ 309 рублей, а Англіи—только 184... Въ томъ же 1909-мъ году изъ общаго числа 1.915.105 тоннъ военнаго флота Англія содержитъ всего 19.765 тоннъ судовъ, не имѣющихъ боевого значенія, а у насъ изъ 581.320 тоннъ—249.417 тоннъ приходится на не-боевыя суда... Такъ и хочется рукой махнуть...

Добро бы еще по бѣдности... Такъ вѣдь и этого утѣшенія нѣтъ!

Въ августѣ заложены американцами два броненосца, „Arkansas“ и „Wyoming“, водоизмѣщеніемъ каждый по 26.000 тоннъ (больше нашихъ); срокъ постройки ихъ назначенъ въ 32 мѣсяца, т.-е. они должны быть готовы въ апрѣлѣ 1912 г., а стоимость опредѣлена въ 19 милліоновъ рублей (каждаго). Наши, заложенные въ іюнѣ, опоздаютъ противъ нихъ на полтора года (если не больше) и стоить будутъ, по расчету на тонну, въ полтора раза (если еще не придется прикинуть) дороже...

Бранятъ пессимистовъ, которые, „все только каркаютъ“; но можно ли пѣть райской птицей, когда передъ глазами эти угнетающія цифры и горькая дѣйствительность въ видѣ крейсеровъ „народнаго флота“, подводныхъ лодокъ „перво-апрѣльскаго контракта“ и еще недостроенныхъ броненосцевъ „Императоръ Павелъ I“ и „Андрей Первозванный“, заложенныхъ въ 1903-мъ году (!), устарѣвшихъ за время постройки.

Я вовсе не пессимистъ. Я не только вѣрю, но увѣренъ въ возможности возрожденія любимаго дѣтища Петра Великаго. При одномъ лишь условіи: чтобы морское вѣдомство и чины

его были поставлены въ предѣлы „компетенціи“, указанной имъ великимъ преобразователемъ, а „кто, супротивъ регламенту, не токмо противленіе, но хотя бы небреженіе запросу флагмана учинитъ или просимаго сикурсу не подастъ, то, снявъ (съ него) шпагу, въ ономъ преступленіи судить“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
I.	«Морской цензъ» и «цензъ на дожитіе»	1
II.	Экономія на плаваніи флота и ея результаты . .	14
III.	Вѣдомость 286 ученій	25
IV.	Двѣ собаки: «шпицъ» и «такса»	36
V.	Записка адмирала Макарова о программѣ судостроенія	52
VI.	Что сдѣлано послѣ Цусимы?	75
VII.	Куда и какъ расходуются деньги, отпускаемыя на флотъ? Заключеніе	100